

Литгалактика

*Заравестлий,
Сатурн!*

РЕКОМЕНДОВАНО ЭКИПАЖЕМ

Поэзия

Книга 1, 2024

Литгалактика, 2024

Здравствуй, Сатурн!

книга первая
избранная поэзия

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров,
Ирина Архипова

В сборник вошли избранные поэтические произведения авторов Литгалактики, имеющие значок «Сатурн», то есть рекомендованные экипажем к прочтению

Алексей Лис

Драже

*Улыбаюсь, а сердце плачет
в одинокие вечера.*

Вероника Тушинова

И не печаль, и не печаль,
улыбка на лице-обложке.
И ночь, и день перелистай,
приходит вечер. Вечер кошкой
крадётся по моей душе,
рифмуя «муррр» и мир, но строки
дрожат. И падают драже
из слов безлико-одиноких.

1
И не печаль, и не печёт,
лишь теплится свечой чужбина.
Такой же куцый счастья счёт,
как пантомима мима мимо,
не задевая, не смеша.
А в полночь время отвернётся.
Пора бы спать. Во сне душа
свободна и подобна солнцу.

И не печёт, и не печать
на документах: «Прибыл. Выбыл».
Лишь глянет жизнь из-за плеча.
А мы с тобой могли... Могли бы...

Ирина Архипова

Небо

И кажется: небо вот-вот упадёт к ногам,
утопится в луже и будет смотреть со дна.
Внезапно затихнет привычный вороний гам.
Ночами над нами не будет сиять луна.
И некуда станет птицам взлетать. Тоска.
Устало вздохнёшь, осознаешь ненужность крыл.
Нельзя в этом мире прожить без потерь. Но как
без неба прожить, которое так любил?

Aleker

Один день

Утренний город не будит с рассветом дома,
Кутает их в настоявшийся за ночь туман.
Только вороны совсем посходили с ума –
Громко картавят названия узеньких улиц.
Пахнет ванилью, и в воздухе тает мускат.
Маленький сквер от бродячих котов полосат.
Самое время устроить кофейный обряд,
Только кофейные боги еще не проснулись.

Город полуденный вымощен плотно людьми,
Сердце его учащенно стучит и шумит.
Но, задыхаясь порой от своих ишемий,
Тромбами вновь забивает шунты-магистралли.
Город с одышкой от смога и едких паров –
Делает вид, что активен, силен и здоров,
Режет решительно хмурый небесный покров,
Ввысь устремляя дома из бетона и стали.

Город вечерний слегка суетой утомлён,
Но зажигает рекламу и яркий неон.
Смотришь на город, а он это или не он? –
Ты в темноте не всегда отличаешь от прочих.
Город уставший подолгу не может уснуть,
Водит по шпилям и крышам бродягу-луну,
В омуте снов растворяет остаток минут
И угасает во тьме наступающей ночи.

Вит Музуров

«Не говори со мной о поездах...»

«Не говори со мной о поездах:
когда стоишь, окаменев, впотьмах,
дороги и пути внушают страх
потери.
Потерь довольно. Замурован быт –
здесь даже чайник громко не свистит;
истории, кто любит, кто забыт, –
за дверью.

Не говори о том, что жизнь назад
здесь рай цветущий превращён был в ад,
что каждый в этом равно виноват
и где-то
растит давно он новые цветы.
А я в окно смотрю до немоты –
и голова, и лёгкие пусты:
всё спето.

Не говори со мной о красоте:
сейчас темно и линии не те.
Луна распята точкой на кресте
оконном.
И мы не те – иначе почему
никто на крест не лезет снять луну
и целые планеты будто сну
покорны?

Не говори со мною ни о чём.
Наш диалог фатально обречён:
тебе он будет, верно, палачом,
мне – пыткой.
Не говори со мной, ты не должна!» –
на кухне двое: я и тишина.
А третьей станет ночь – нема, больна,
открыта.

В плену иллюзий

Напомнил дождь...

Дождями размыто немало сюжетов,
От прошлого в памяти – только детали.
Мужчина спускается вниз к парашюту,
Привычно задумчив... Несчастен? Едва ли.
В быту всё в порядке: дом – полная чаша –
Картинка из фильма «Счастливые будни»,
Гора отутюженных чистых рубашек,
На фирме растущей – ведущий сотрудник.

В семействе – отлично: два сына – студенты,
Дочь радуется (в маму!) – модель и спортсменка.
Дни мчатся, лишь мельком – цветы, сантименты...
У счастья земного хватает оттенков.
Но где-то в душе зреют крохи сомненья:
Друзей растерял, не нашёл настоящих.
Всегда не хватало живого общения,
Мечтал о свободе и чувствах пьянящих...

5

Смятенье растёт. Успокоить бы... Нечем –
Красивый «рисунок» не радует больше.
Он изредка парк посещает под вечер,
Стоит у реки, вспоминая промокший
До ниточки плащ и девчонку смешную,
Бегущую следом, шум летнего ливня,
Вкус первых надежд, новизны, поцелуя,
Случайные ссоры в порыве наивном.

Улыбка в ответ на дешёвый браслетик,
Веснушки, глаза и восторженный шёпот...
Взрослеют мгновенно беспечные дети,
Обиды неловко пытаюсь заштопать.
Танцуют дождевики легко и задорно,
Пугая, спешащих укрыться, прохожих.
Напомнил мне дождик – малец беспризорный:
«Мы были с тобой удивительно схожи».

С зонтами кружась, убежишь, непоседа.
Исчезнешь опять, нагулявшись по крышам.
Домой я сегодня счастливый приеду:
Весёлый твой смех в шуме капель расслышал.

Елена Лерак Маркелова

Бумеранг

Фельдшер снова напился. А мальчонка-то весь горит.
Хорошо б помолиться, да не помню слова молитв.
Где же дочка-шалава? На сиротство зачем родить?
Всё ж дитё, не забава...
«Мам, останься, не уходи!»
Ох, сожжёт до огарка злой хворобы дурной огонь –
«Жарко, мамочка... жарко... положи мне на лоб ладонь.»
Привезла, усвистала... пряник бросила, как щенку...
Всё гулянок ей мало...
Хоть бы ложечку съел медку...
Потерпи, ангелочек. Поутру повезу к врачу.
Дура... дура ты, дочка...
«Мама... бабушка, пить хочу.»

7

*
– Я б забрала его в город, да мой не хочет.
Что ж ты икру-то ложкой? Сотня за килограмм!
Да – не расписаны! Хватит!..
Привет, сыночек.
– Ты насовсем к нам приехала, правда, мам!
– Я ненадолго. Ну снова ты смотришь волком.
Дай поцелую быстренько. Мне пора...

...Порвана в ключья подаренная футболка,
И поросёнку в корыто летит икра.

*
– Слушаю.
– Сыночка, может заедешь к обеду? Снилось – бегу за тобой и догнать не могу...
– Некогда, мам, я работаю. Нет, не приеду.
В трубке гудки. Злые складки у сжавшихся губ.
Ей невдомёк, что уже никогда не догонит
мальчика, вдоволь хлебнувшего слёз и тоски...
Детские снимки... Не едет – и ладно. В огонь их!
Бьётся посуда, в помойку летят пирожки.

Год не проводывал... Ноет под левой ключицей.
С жидких кудряшек со стуком летят бигуди...
Каждую ночь ей всё снится и снится, и снится
мальчик, в подол ей вцепившийся:
«Не уходи!»

Лилия Слатвицкая

Звуки

Слышишь? Ну же, прислушайся, шею вытяни –
Будто где-то постукивает прялица...
Это слова, убитые нами, забытые,
Как птенцы из скорлупы вылупляются.
Это в райском саду, с веточек
Падают фразы – яблоки воображения,
Это сдвиг по фазе, деточка.
Это скачок напряжения.

Это промахов наших последствия
С треском... искрами... чёрным вечером...
Слушай-слушай, молчком, безответствуя.
Ибо что тут скажешь? Сказать-то и нечего.

9

Слушай, слушай, смотри, моя милая,
Прикасайся, ощути их всем телом...
Что, не слышишь? Значит, отращивай крылья,
И – полетели...

Татьяна Смирнова

Волчица

Сказал, указав мне на лес: «Отпускаю, беги!».
Вкусившая сладость, неведомой прежде, отравы,
Готовая есть благодарно с хозяйской руки,
Кусала от злости ни в чём неповинные травы,
Боясь обернуться и сжечь его взглядом дотла.

Он мне говорил, что нельзя никому доверять.
Дождёшься удара ножом или выстрела в спину.
Мне всё ещё больно и всё ещё действует яд,
Но сердце, что раньше пылало, успело остынуть
И больше не жаждет ни ласки его, ни тепла.

Забуду и голос, и запах, сводивший с ума,
Забуду, что он меня спас из объятий капкана.
Пусть выше столетних деревьев обиды стена,
Неспешное время зализает душевные раны
И смолкнет бряцание звеньев незримой цепи.

Мелькнёт словно молния образ в бездонном зрачке:
Ему никогда позабыть обо мне не позволит
Уродливый шрам от укуса на левой руке.
А сердце моё среди ночи зайдётся от боли
И я побегу через сон по бескрайней степи.

Ира Сон

Уголёк

Если сердце – кувшин,
то чувства твои – вода.
Их боясь расплескать,
хранишь, будто горсть пентаклей.

...чтобы «вдруг», «без причин»,
спокойного, как удав,
захлестнула река,
достаточно только капли.

Если сердце – очаг,
то чувства мои – дрова.
Я храню их, как дар,
играя в чужие игры.

11

Только тяжесть в плечах,
И каждый рассвет кровав.
Чтобы вспыхнул пожар,
достаточно мелкой искры.

Грянет наш Рагнарёк –
предвестник большой беды:
мы утонем, сгорим
в безумной стихийной бойне!..

...забери уголёк
взамен на глоток воды.
Не молчи. Говори!
Пиши мне.
Кричи мне.
Пой мне.

И мум Коэли

Царские странности

Царевну прозвали странной, крутили пальцами у виска – она вспоминала были, что статься с ней не могли никак; ловила утробный запах имён и дум, проникала в суть под чёртову кожу ложных, условных истин. Могла раздуть огонь на ладони стылой и видеть звуков цветной полёт. Шептали Царю: «Царевна с нечистой силой в ладу живёт! В кого уродилась? Ведьма!» Но семь печатей секрет хранят... «Отец! Обмывает вечер медаль светила на донце дня, пора!» – и царевна в косу ручья звенящее серебро вплетала, стрижиным свистом кромсала облако и хитро смеялась. Смешинок перья царю до слёз щекотали нос. По облачной гати топкой они спешили на лунный плёс. Царевна кричала: «Мама!», и царь по зову любви бежал! А зеленоглазая нимфа хмельные сумерки льёт в бокал кувшинок озёрных... И ждёт их...

Кляксой

Какое это счастье – просто жить

Какое это счастье – просто жить,
дышать, любить, не знать опасной лжи.
Весна цветёт, в округе – дни свежи...

И в лодочку проснувшейся души
проникли чувств сиреневые звуки –
мир кажется и солнечным, и хрупким,
бодрящимся, как ветер налегке.
Лужаек зеленеющий паркет
зовёт босые ноги... Старый кед
валяется ничейным на дороге.

А хочешь, небо пальцами потрогай –
плывёт себе, красуется в реке,
купают стайку уток в молоке.

И я бы искупалась, но пока
у вешних рек прохладные шелка.

Галка Сороко-Вороно

Про козла («обрубленный» конкурс)

Я учил козла считать:
Сколько будет дважды пять?
А в ответ он только «Ме-е»,
Не способен к арифме...

Но зато отлично даже
Разбирается в пейзаже,
Где лужайка, где гора –
Значит, любит геогра...

О к 74

Сто шагов

Болью пронзает сердце.
Жить сто шагов осталось.
В небе, пропахшем смертью, тенью танцует аист.
Дочку знобит от жара, лезет в слезах на ручки.
Мама ей шепчет:
«Сара, скоро нам будет лучше...»
Рядом беззубый Йозеф ртом, от цинги распухшим,
Прошепелявил:
«Боже! Боже, пусть станет лучше!»
Вот и дошла колонна, десять шагов до края...
«Arbeit macht frei» – канонем
Текст над воротами рая.
Девять,
Восемь,
Четыре...
Шаг предпоследний тише.
Кто-то над нашим миром шёпот людей услышал.
Грохнула канонада, вскрикнули конвоиры.
Снайперы спецотряда в ад конвой проводили.

Раны рубцует время, грузом прижала старость.
До пустоты за дверью вновь сто шагов осталось.
Снится – девчонка Сара к маме бежит по полю.
И на последнем шаге
Сердце пронзает болью.

Виктория Соловьёва

Мне лошадь встретилась...

Мне лошадь встретилась*. Вернее, всё не так: мелькнула тень сначала за кустами, и белым паром будто обдало, как будто бы лизнули подсознание. Я точно знаю, это был её неповторимый запах молочая. Я обернулась: Что же ты, пошли... И мы пошли вдвоём. Я впереди, она чуть сзади – призраком печали. Жевала яблоки, что я купила, просила Кока-колу и конфеты, но я сказала строго, что на это я не пойду, что нынче праздник Спас... А кто кого – не важно, спас и всё. Как ты меня, когда я чуть живая переходила сущее болото... Не прерывай, я знаю, что болото. Ведь жизнь – не поле. Ты прости, конечно, но лошади придумали, что поле. А в нашем понимании – болото, где есть всего одна тропа, и та затоплена, что не видать конца. Хотя конец, конечно, будет. Есть! Чуть вправо-влево – топь. И, в общем – крест. Есть, где по пояс грязь. А передышка, возможно, будет. Не надеюсь, в книжках... Да, что тебе рассказывать?! Ты вон, как гривой белой машешь несогласно... Ну, расскажи, что ты жила как в сказке, и что пила осеннее бордо, и сливы собирала лишь губами... Ты – тень моя, не привирай вначале, я помню всё! Пошли уже, Беда... Две клячи шли – седая и седая, и яблоки подгнившие роняли, как осень шелестящие года...

* Строка Н. Рубцова из стихотворения «Вечернее происшествие».

Туранга

Ветру

Артуру Кулакову – с глубокой признательностью.)

Я слышу твоё дыхание, ветер.
Раньше оно было ласковым и нежным,
а сейчас всё чаще – прерывистым и горячим.
Иногда оно становится раскалённым и гудящим,
буйным и злым.
Оно толкает меня в спину,
давит на плечи, пригибая к земле.

Раньше меня переполняла радость и не было грусти.
А потом появилась печаль,
незаметная – как первый росток сорняка на ниве.
«Пусть растёт – подумала я, – разве может мне навредить
эта жалкая травка?»

17

Грусть росла незаметно, но быстро,
выдавливая из меня радость.
Очень скоро я потеряла способность твёрдо стоять на земле,
всё чаще теряя равновесие.

«Забери мою печаль, ветер, – взмолилась я, – и разнеси её по свету!»
Ты забрал её, но вскоре вернул обратно,
не найдя тех, кто бы захотел взвалить на свои плечи
дополнительный груз.
И я поняла, что радость готов разделить весь мир,
а грусть – навсегда останется со мной.

И тогда я взмолилась ещё раз:
«Забери меня, ветер, и унеси в ту страну, где нет печали».

Я давно не слышу твоего дыхания, ветер,
и понимаю, что пеньки грусти,
о которые я то и дело спотыкаюсь,
никто не станет выкорчёвывать,
кроме меня.

Ветровоск

Времени нет

Уже луна свой мутный рыбий глаз
прикрыла недовольно третьим веком.
С изнанки за окном, пугая нас,
стучится клён, качая тени веткой.

К прощанию спешат за часом час —
легко уносят имена и даты,
а ходики насмешливо стучат,
мгновения сшибая с циферблата.

Давай, зашторив клёны и луну,
в кукушкином гнезде захлопнем время —
в петле остановившихся минут
друг друга будем прятать от прозренья,

18

обманом упоительно спасать:
от правды никому не станет проще —
смеяться осуждающим часам,
что смотрят свысока, усы топорща.

Ось времени беспечно обломив,
почувствуем неторопливость жизни,
оставим только настоящий миг —
не созданный спешащим механизмом.

Растерянно часы пойдут вразброд,
замрут секунды, шурясь близоруко...
И время никого здесь не найдёт,
когда придёт отнять нас друг у друга.

Николай Рогалев

Уголки

Снова память листал, что поделаешь – осень,
Облаков седина в рыжине сентября.
Загибал уголки, а потом взял и бросил,
Потому что опять долистал до тебя.

Веет, может, дождём, может, прошлым туманным.
Помнишь, в этом тумане терялись не раз.
Стать могла наша жизнь многотомным романом,
Но хватило нас только на полный абзац.

Тянет ветер с собой журавлей перелётных.
На земле в этот миг все слова невпопад.
Мне бы память раскрыть, разодрать переплёт, и
Закружить из пожухлых страниц листопад.

19

Пусть уносит их осень на выцветших крыльях,
Потеряв отболевшему времени счёт.
В нём давно перепутались небыли с былью,
Горьким запахом дыма и чем-то ещё.

Оборвётся тоска журавлиного крика.
На пустой горизонт гляну из-под руки.
Пролистаю назад память – рваную книгу,
На листках, где есть ты, разогнув уголки.

xobbit

Давно вчера

Когда я вчера уходил от тебя,
Ты тихо сказала: «Прости, не любила...»
Небесные хляби разверзлись уныло
И ринулись вниз пеленою дождя.
Хотелось заплакать, но не было сил,
Когда я вчера от тебя уходил.

Когда я вчера уходил от тебя,
Растерянный, жалкий, промокший до нитки,
Твой Шарик меня проводил до калитки,
За полы плаща не всерьёз теребя,
И, что-то почуяв, тоскливо завыл,
Когда я вчера от тебя уходил.

20

Когда я вчера уходил навсегда,
Терзая размокший мундштук папиросы,
Был месяц июль. Было много вопросов,
Но мало ответов, и все – ерунда!
Какой же был год-то? Не помню. Забыл.
Давно я вчера от тебя уходил...

Сергей Кодес

Последний разговор

– Я слово «вечность» так и не сложил.
Оно мне оказалось неподвластно.
Пытался я и страстно, и бесстрастно,
Казалось, ощущал дрожанье жил.
За это целый мир обещан мне,
Весь мир! Не городишко с колокольней,
К которому дорогою окольной
Давно не возвращаюсь я во сне.
И ящики для розовых кустов,
И жёлоб водосточный – всё забыто,
Окошко чердака, детали быта...
Обещан целый мир – я не готов!

– Кай, милый Кай, неужто это ты –
Усталый, молчаливый и холодный?
Да я отдать готова что угодно
За то, чтоб хоть немного теплоты
Смогло дойти до сердца твоего, –
Пусть будешь не со мной в чертоге этом,
Пускай забыл ты дом, цветы и лето, –
Дойти до сердца! Больше – ничего.
Я плачу, капли слёз моих горьки,
Преграды позади и километры,
Прошли снега, и врат заснули ветры,
И ты – на расстоянии руки.

– Да, это я, мне нужно разрешить
Серьёзную и важную задачу,
Прости, но ты своим мешаешь плачем
Из льдинок «вечность» всё-таки сложить.
Одной лишь льдинки не хватает мне.

– Тебе недостаёт последней части?
Я стану льдинкой, лишь бы ты был счастлив!
С ней слово «вечность» сложится вполне.

И стала Герда вечности частицей.
А Кай... Что Кай? Да что там с ним случится?..

Инесса Полянская

За гранью

Однажды,
совершенно без надежды, что бабье лето
летнее задержит,
предзимний страх сменяется на смелость –
не думать о естественных пределах.
По осени,
волнуясь неприлично,
забытые желания по-птичьи
сбиваются в отчаянную стаю
и, кем-то окрылённые,
взлетают.
Прощальный клин несбыточных иллюзий спешит туда,
где нет словечка «лузер»,
подальше от родимого гнездовья, которому
грустить теперь по-вдовьи.
Журавушки в полёте ли, синицы –
мечтают непременно очутиться в чудесной сказке, заклиная:
крибле да крабле...
Бумс! – и вот они колибри.
Вокруг
поля цветочного нектара, и вечно бы питаться сладким даром...
Но, побывав за выдуманной гранью,
желания внезапно умирают.

Николай Яковлев

Монолог дяди

Племянник мой, бездельник с детства,
Болтун, как вся его родня,
Когда остался без наследства,
Внезапно вспомнил про меня.
Замучил почтой. За неделю
Прислал трактат по виноделью,
Девичий сонник и словарь.
Затем двухлетний календарь,
Крутого уксусу осьмушку,
Пустых романов полный воз,
Багет с орнаментом из роз,
Брегет и Эсмархову кружку.
И всё эпистолы внутри,
Все про бомонд, бонтон, бонпри.

24

Господь свидетель, я сначала
Старался виду не подать.
Затем в письме пообещал он
Заехать в гости дней на пять.
И тут я понял – век мой прожит,
Пусть едет. Смерть уже, похоже,
Ко мне ключи подобрала.
Привёл в порядок все дела,
Вкусил от Господа причастья,
Спокойно лёг на смертный одр,
Умом здоров и телом бодр.
Ах, Боже мой, какое счастье –
Лежать и думать про себя:
«Как ловко я провёл тебя!»

Вячеслав Дворников

всё по-прежнему

Зайчик бегаёт по листу, он такой бесконечно милый...
Листья кушают и растут, запасаются хлорофиллом.
Что вначале, а что потом – всё записано в мире тонком.
Нашей памяти снежный ком за спиною храпит в котомке.

Мысли в ступоре. Где пастух? Без внимания и присмотра
Произносится что-то вслух... только лучше бы всем оглохнуть.
Не построить вдоль речки мост, разбросали пороги камни.
Заполняется чистый холст тем, что сможет нести подрамник.

Время гонит вперёд ручьи, наполняя событий реки.
В наших буднях живут ничьи, а победы смешны и редки.
Только зайчики по листьям, только капли дождя колонной...
Я лампадку уже устал зажигать пред твоей иконой.

25

Чтоб прощения не просить в суматошных пустых минутах,
Заказал до тебя такси, но диспетчер опять напутал...
Мысли в ступоре! Мой пастух, как же мне подружиться с ними?
Я по-прежнему слеп и глух, и твоё не запомнил имя...

Ольга Альтовская

Сорок секунд

Однажды случился во времени сбой:
Реальность и время пошли вразнобой.
Пульсируя, странно до дрожи,
Секундная стрелка затикала вспять,
Обратно пошла и позволила стать
Мне, судя по стрелкам, моложе

На сорок обратных делений – тик-так.
И что это было: поломка ли, знак
Непонятый мною, мистичный?
Не долог, не короток вышел откат,
Когда, испугавшись движенья назад,
Я вектор вернула привычный.

26

Но в эти секунды судьбы неземной
Какие-то силы играли со мной,
Посулы свои не жалея:
Казалось, уже наступает Вчера.
И чем бы закончилась эта игра,
Когда б я была посмелее?

Вернулась бы в день, где беспечна душа,
Где я засыпала, спокойно дыша,
В объятиях крепкого дома?
И где невозможным казался раскол:
Ещё – не расстались, ещё – не ушёл,
Где просто – ещё не знакомы.

Марго

Август

*Он и праведный, и лукавый,
И всех месяцев он страшней.*

Анна Ахматова

Снова август, странный месяц – и не осень, и не лето.
Пожелтевшею травую поле чистое одето.
По утрам туман ложится – пелена его седая
В рукоделье паутины рос жемчужины вплетает.
Астры в пышном разноцветье, хризантемы, звездопады,
Запоздалые рассветы, Спасов древняя триада...

Это август. Странный месяц, в нелюбимых у поэтов
За потери... Только вовсе не виновен август в этом.

Гелия

Аленький, аленький

Что пригорюнилась? Аленький, аленький...
Зверь – не чудовище. В каждом рычит.
Холодно-холодно. В рваных подпалинах
Рубище сердца. И я неприкаянный.
Чаянный, чаянный. Тень от кручин.
Знаешь, а ты – словно древнее таинство,
Цветик не сорванный, мой оберег.
Грешникам выбрано каяться, каяться...
Время – мозаика. Пазлами крайностей
Судьбы слагает не бес. Человек.
Аленький, аленький. Корни пророщены.
Стану хранителем. Чувство – не плен.
В мёртвом живою водой непорочною
Острые грани до гладкого сточены.
С вечной улыбкой живёт Гуинплен.

Милана Секоненко

Свободен от тени

Летела птица в облаках. Я шел по краю
земли вечерней – второпях, не озираясь
на пересуды за спиной, тычки и сплетни,
решив оставить путь земной, свой шаг столетний.
А тень... кандальные за мной тянула цепи.
И вспоминались, не впервой, шаги, нелепей
которых не было и нет, и тщетней тоже,
когда ступал другим вослед я тенью схожей.
Цепочку вмятин на песке завеял ветер.
Лежит, как призрак, след в клубке узлов и петель.
Среди пурпурной красоты я в царстве тени
парю и вижу с высоты свой шаг последний.

К Л Ю В И К

Рубиновое утро

Солнце встало и расплакалось –
Слёз рубиновые капельки
Разметались по окрестностям
В шлейфе утренней росы.
Облака бродили ласковые,
Словно брошенные цапельки,
А по самой длинной лестнице
Дождь спускался, моросил.
Плыли запахи шиповника
От калитки Тимофеевны,
Сделав мостик, вышла радуга,
Спали осы, лаял пёс,
Мы варили чашки полные
Кофе самого кофейного,
Получалось утро радостным,
Несмотря на тонны слёз
Солнца этого рубинового,
На июль, привычно ветреный,
На трусящий дождик, помнится,
И на воздуха крющон.
Счастье нежилось глубинное,
Задевая сердце веточкой
Вездесущего шиповника...
Как же было хорошо!

Николь Аверина

Однажды ты проснёшься...

Однажды ты проснёшься и поймёшь,
что мир совсем другой,
что воздух пряный.
Что грохот за окном – не братский бой,
и ты не от вина – от счастья пьяный...

За отзвуком грозы припустит дождь,
и градины с орех,
дырявя тучи,
напомнить не сумеют, что был грех
и град совсем иной, как гад – ползучий...

А этот... он растает... Пусть листва
побита, как тогда,
и сад взъерошен,
и яблоки птенцами из гнезда
летят в подол земли. И лук, как скошен...

И бабушка ворчит: «Коту под хвост...»
Но с солнышком встаёт
и ставит тесто
на яблочный пирог, а жмых – под гнёт...
И с луком пирожки! И всем есть место...

И чудный аромат наполнит дом,
и осы налетят,
напьются вдоволь...
И только цвет жасмина, бурей снят,
напомнит о былом, хоть лёг подковой.

Однажды ты проснёшься и поймёшь...

Марина Старчевская

То ли было, то ли нет

Я люблю чудеса и звёзды,
Шум реки, комариный звон...
Только выйдешь на свежий воздух –
Глядь, на грядке сидит дракон!

Дикий, ушки, как у жирафа,
Топчет зелень, клубнику мнёт...
Мы, конечно, ревём от страха:
Я реву, и дракон ревёт.

Мы не знаем, чего бояться,
У обоих ужасный вид –
Так и было, поверьте, братцы:
Я охрип, и дракон хрипит.

32

От досады ли, от обиды ль,
Я вначале хотел удрать,
Но Дракон поворчал – для виду –
И сказал мне: «Давай играть!»

Стал похож на смешную птицу
И позволил чесать брюшко.
Оказалось, он любит пиццу
И топлёное молоко.

Носом тычется мне в ладошки...

Изумляется вся родня:
То ли я приручил Дракошку,
То ли он приручил меня.

Михаил Кульков

Маяк Анива

Каждые три часа шёл, поднимался вверх –
К «сердцу» скалы Сивучья...
Как барабан в строю, мерно залив гремел,
А по ступеням в ритм маленький человек
Плёлся ли, полз с паучей
Цепкостью...
...
Сколько лет!
...
Тёмные небеса, птичий надрывный стон;
Стоик пронзает тучи.
Сотни прошедших дней в сонме несчётных волн...
Только лишь свет зари рыжий швырнёт обол –
Солнце в туманы кручи.
Стоит ли...
О былом?

* Маяк Анива на острове Сахалин на скале Сивучья, построен в 1939 году. «Сердце» маяка (маячок) передвигался часовым механизмом, который заводили каждые три часа. В 90-х годах маяк переоборудовали в атомный, а в 2006 году изотопные установки были сняты, а маяк заброшен.

Галья Рубина-Бадьян

Иверия

Проплывают дома, виноградники –
деревень одичалые стражники,
пёс бродячий на ржавом багажнике
повидавшего виды авто.

Но в тонэ – свежий хлеб. Изобилие.
На столе – сыр, вино, чахохбили, и
льётся песня по горной извилине
с нарисованных Богом холстов.

Тонкокостная строгая женщина
всякий раз – грациозно и медленно –
заплутавшие волосы медные
убирает с худого лица.

И словам её искренним верю я.
Изнемогшая в битвах Иверия –
рассечённая, скорбная, древняя –
подаёт мне вино у крыльца.

m a a r v

Превращение

*То, что гусеница называет Концом Света,
Учитель называет бабочкой.*

Р. Бах

Зелёный лист отъев до середины,
Устав от погрызательных забот,
Уютно, будто котик у камина,
Устроилась, окуклилась... И вот –
Застыла под конец трудов и света,
В начале пустоты, в крошечной тьме,
Не жалуясь на то, что не доето,
Без самоедства в маленьком уме.

Она спала, подобна Фудзияме,
Окутавшей себя в ночной туман.
Приснилось: древний мир, прощаясь, замер –
Ей, гусеничке, миг чудесный дан!
В нём вместе беспредельность и конечность,
Сливаясь, начинают новый день:
Где два крыла заложены за плечи,
И усик смысла – лихо набекрень!

Богинский Михаил

Город примет

Всем привет! С вами я – ваш проверенный борт.
Тот, что тысячи миль превращает в часы.
Через десять минут шумный северный порт
Подо мной раскатает бетон полосы.
Я сейчас перейду на другой эшелон,
Под метельную коду с дождём пополам
Мы коснёмся земли и притихший салон
Побежит по своим неотложным делам.
А пока я и он в целом мире одни,
За него мне держать перед Богом ответ.
Я пишу на табло «Пристегните ремни»,
Зажигаю в плафонах посадочный свет,
По-хозяйски бросаю придиричивый взгляд:
Триста душ моего группового лица...
Спит девчушка (четвёртый, по-моему, ряд),
Безмятежно сопя на плече у отца,
Напряжённо застыл чернокожий атлет,
Леди в белом кашне поправляет парик,
Дремлет полная дама бальзаковских лет
Да бормочет молитву высокий старик...
Город примет, уймёт непогоду к утру.
Мир укроет пушистый, искрящийся снег.
Снова я на рулёмке привычно замру,
Чтоб уйти без оглядки на новый разбег.
И земная быстрее завертится ось:
Я взлетаю в Баку, я сажусь в Катманду...
Лишь бы завтра всё так же спокойно спалось
Белокурой девчонке в четвёртом ряду...

Михаил Любавин

Дворничье

Старый Рашид в подворотне гоняет листву –
в паре с метлой исполняет заученный танец.
Рьяно скоблит тротуар, презирая усталость,
кланяясь каждой сориночке, как божеству.

После работы Рашид приготовит ханум –
от ароматов слюной захлебнутся соседи.
Жаль, что родная Бахор на ханум не приедет –
в прошлом году, в октябре, уплыла в тишину...

Вечером снова идти мониторить дворы –
труд не из лёгких в начале восьмого десятка.
Жизнь на чужбине не вышла красивой и гладкой,
а в одиночку – срывается в тартарары.

37

Вот и бредёт по дворам сиротливый узбек
в старом потёртом жилете, дымя папиросой.
Дворник – по жизни, по сути – мудрец и философ,
тихий и добрый, ранимый такой человек.

Фрагорийский

Голод по тебе

В тонком саване тумана
проступают миражи.
Ты уснула. Ave... Амен...
Что ж мы делаем, скажи?

Плачет ангел-невидимка
В тёмном небе высоко...
Время стынет горькой льдинкой –
Валидол под языком.

Рассыпает бог ненастий
На экраны бисер слов.
Открывает клетки настезь,
Умирая, птицелов.

38

Лишь душа и тело спорят
В странной кукольной судьбе –
Нежный холод, привкус горя,
Дикий голод по тебе.

Вера Рехтер

Стихия в городе

Он был безжалостно-жестоким,
на город налетевший град –
лупил наотмашь стёкла окон,
на крышах выбивал набат.
Топтал газоны, хулиганил –
казалось, сотня жеребят
неслась невидимой в тумане,
с пути сметая всё подряд.
Внезапно обернулся ливнем –
промокли разом всё и все,
фырча водой, автомобили
китами плыли по шоссе.
Мигали жёлтым светофоры,
глаза закрыли фонари
на то, как длинный поезд скорый
свой бег замедлил раза в три.

39

Я, газ нажав, нырнула в темень,
молясь беззвучно всем богам...
А Ной в ковчеге в это время
меня по правой обогнал.

Praskovija

финал

*...когда б я мог, то непременно спас бы.
Всему виною головная боль.*

Персея

Ещё не произнёс Творец:

– Свободен!

Роман сожжённый не обрёл финал.

Ещё виски от страшной боли сводит.

Терпи и жди. Она летит на бал!

Любовь спасая, продавая душу,

Спасёт, трусливый грешник, и тебя.

... Как воздух густ, как запах роз удушлив –

Гроза начнётся на исходе дня...

40

Сын звездочёта, верный пёс, Философ

Уходят в ночь. Их скроет лунный свет.

И, наконец, на главный из вопросов:

– Была ли казнь?

Пилат услышит:

– Нет.

anika

Мистерия Белой ночи

Давай с тобой пройдемся вдоль Невы,
Где небо растянуло алый парус,
Играют в мячик каменные львы
И бьют бокалы свадебные пары.

Целуется у сфинксов молодежь,
Гуляют благородные семейства,
Вот юноша, на Пушкина похож,
Стихи читает у Адмиралтейства.

А девочка с глазами Натали
Мечтательно стоит у парапета
И, провожая взглядом корабли,
Не слушает влюбленного поэта.

41

Счастливых лиц цветной калейдоскоп,
В магическом кристалле белой ночи
Смещение романса и синкоп,
И небосвод, как люстра, позолочен.

И что с того, что праздничный муар
Уставший город снимет на рассвете,
С тобой сейчас мы счастливы как дети,
Несущие в руках воздушный шар.

GP

Не о тебе

Не о тебе пишу, не для тебя –
Для круглого с мороза воробья,
Для лавки, нарядившейся сугробом;
Оставлю лист. А кто-нибудь прочтёт,
Воскликнув удивлённо: «Что за чёрт?!
Кто так клянётся в нелюбви до гроба?»

И в урну лист забросит, смяв в руке,
Но воробей быстрее всех ракет
Мои стихи промчит по околотку.
Вдруг чёрный кот мигнёт: мол, «Проходи.
Я подожду. Я после. Позади.
Твой путь пересекать мне – не в охотку».

42

Дурное счастье – думать о другом,
Смотреть, как утром всходит солнца ком
Из дальнего мороженого леса –
Ведь даже этим солнцем душу жжёт.
А воробей горланит: «Заживёт!
Она ведь – не Париж. Не стоит мессы!»

И лавка манит: «Снег смахни, присядь.
Когда один – повсюду тишь да гладь.
Ты слишком на влюблённого похожий».
Тогда по глади снежного листа
Пишу для лавки, воробья, Христа...
Не для тебя, не о тебе, но всё же...

Murrgarita

Я, дождь

Дорога, по которой я иду, –
Дорога, где следы легли узором,
Где отпечатки шин и птичьих лапок,
Сандаликов, сапог и облаков
Уходят вдаль, сплетаясь на ходу,
Минуют лужиц мелкие озёра,
В которые, как блёклые эстампы,
Ложатся отражения легко.

И если знать язык следовых рун,
Они расскажут всякому бесстрастно
О тех, кто в вихре грязных брызг промчал,
Тех, кто уныло брёл, ругая слякоть,
Расскажут, кто был слаб, а кто был груб,
И кто упал, окрасив лужи красным,
О птицах, кровь клевавших по ночам,
Невинных, не умеющих заплакать...

Но я пройду, смывая рунный след
Холодных капель щёткой слюдяною.
Дожди не плачут, я глаза закрою –
И тотчас забываю о себе.

Ольга Нежданова

Судьба

Кому-то ползать и кусаться зло...

Тебе необратимо повезло: ты – часть лихой воздушной эскадрильи. Вливайся в эту лигу и лети, влюбляйся в неизвестные пути – огромен мир, когда имеешь крылья.

Однако, время – тот ещё паук, любитель и знаток мушиных мук, непревзойденный бог хитросплетений: не дремлет, вяжет дьявольскую сеть, и мимо ни за что не пролететь, она – твой крест, подвид опасных терний.

Никто коварных пут не избежит. Увянешь – хоть жужжи, хоть не жужжи, но ты боец, и съесть тебя непросто. И всеми (микро)фибрами души ты держишься за варварскую жизнь, суровую к больным и малорослым.

Всем тельцем бьёшься, делаешь рывок...

Тебя теряет изумлённый бог, клянёт, латая дырку в паутине. А ты, родившись заново, летишь, отважно ищешь новые пути, но тянешься к покою инстинктивно, и твой маяк – оконное стекло: за ним светло, уютно и тепло.

От счастья жмурясь, в щель влетаешь бойко, пикируешь на сытные хлеба... Не зная, что безносая судьба застыла наготове с мухобойкой.

alexbol

Милая Хетти

Как я соскучился, милая, милая Хетти!
Будь мне даровано право решений Всевышним,
Палубных досок шеренги и розги Борей,
Уединенность каюты и долгие ночи –
Стали б уделом еще ненаписанных строчек...
Хетти, голубка, наверх поглядите скорее!
Видите, небо усыпано блестками пышно –
Каждая звездочка собственной выдумкой светит.

Как беспокоюсь я, милая, милая Хетти!
Дико у ног моих вздыбилась вдруг мостовая,
Острые шпиды накрыли гигантские волны.
Как в мешанине кровавой, наполнившей город,
Выжило тело мое, орошенное горем?..
Страшно, моя ненаглядная Хетти, и больно
Помнить свое нетерпенье, навек расставаясь,
И поцелуем на Ваш поцелуй не ответить.

Я заслужил это, милая, милая Хетти, –
Преданность Вашу всегда принимая с опаской,
Сердце свое вопрошал, словно пифию в Дельфах.
Вашу любовь изгонял из души оловянной,
Плоть утешая продажными ласками рьяно.
Я, навсегда потеряв лучезарного эльфа,
Так и не смог написать свою лучшую сказку –
Самую добрую, яркую сказку на свете.

Андрей Яковлев

Свет мой зеркальце...

Свет мой зеркальце, помолчи.
Я и сам всё прекрасно вижу:
стал короче фитиль свечи
и к подсвечнику пламя ближе.

Догорает свеча моя...
испаряется понемногу...
Я всё чаще шучу, что я
по частям поднимаюсь к Богу.

И тревожит удел души –
не сохранность красот наружных...
Свет мой зеркальце, не спеши
откровенничать мне... не нужно...

46

Не нужны мне твои слова.
Я и сам без тебя всё знаю.
Свечка тает... душа жива...
значит, я не бесследно таю.

Селена

такое вот счастье

...это в детстве мечтается так, что жар-цвет – луна,
сине море – бескрайняя сказочная страна,
и болтают леса на чудном языке разлаписто,
а на небе мурлычат всю облака-коты,
разлеглись на горах и макают свои хвосты
в разноцветные реки, в которых зимуют августы;

но тебе повторяют: фантазии – сущий бред,
есть луна (это спутник), есть дождь, и кота в нём нет,
если кот, то зверюга, ну максимум у Булгакова
был котиче, Матроскин – в мультфильмах и прочий вздор,
потому что у жизни несказочный приговор:
точит когти реальность – она изувечит всякого.

47

...а потом ты взрослеешь, черствея насквозь, и вот
появляется вдруг на пороге неожиданный кот,
уверяет, что он для тепла и уюта послан был
духом счастья, а может быть, Богом котов; в ночи
серенады орёт под балконом – красноречив,
умилённо с работы встречает под лунным золотом;

и, улыбкой чеширской сияя, мурлычет, гад:
«...я могу вышивать и готовить борщи, салат;
кроток нравом, коль грустно – согрею своей пушистостью».
«...не бывает таких!» – закрываешь под носом дверь,
беспокойно на кухне заваривая пуэр,
только звёзды сверкают с настойчивой аметистостью.

...дни, как мыши, снуют – сумасшедшие грызуны,
вечера чёрно-белые нагло воруют сны,
вроде всё как всегда, лишь вселенское одиночество,
потому что уныло, бескотно и нет борща,
накричать! – на кого? – в пустоту тяжело кричать,
да не хочется (даже пуэра совсем не хочется);

и опять появляется он, будто новость в СМИ,
ангелочек с глазами бесёнка, но в них – весь мир,
обнимает, Баюн, а соседи пускай судачат и
моют кости; мы вместе нескучных пятнадцать лет,
смотрим в небо, где тучи-коты говорят «привет».
...я-то знаю: у каждого счастья душа кошачья.

Елена Уварова

Снежная королева

Ну, заходи, коль пришла, садись. Будем чесать языки за чаем.

Ишь, как горланит за дверью жизнь, это она от тоски дичает. В этих краях не найдёшь святых. Ветер-безбожник дерёт три шкуры.

Я ведь когда-то была, как ты – нежной, горячей... А впрочем, дурой. Помню, июльский густой закат, старую сенницу, спелый вечер. Искренне клялся мой первый Кай кануть со мной безмятежно в вечность. Жаркие губы его лоя, думала – будем гореть навеки. Виделась рыжая нить жнивья через бревенчатые прорехи.

После, когда он ушел с другой (точно пенькой корабельной связан), мир изогнулся кривой дугой, я вместе с ним омертвела разом.

Медленно стыла... не год, не два. В гневе меняла подобных Каев. Если годами метёт январь, если душа, как босяк, нагая, самое время послать всех «на», стать ледяной закалённой стервой.

Глянь, зубоскалит в окне луна. Видно, под старость ни к чёрту нервы.

Братец твой, Герда, придет вот-вот. Он по ночам рыболовит нельму. Знаю, что молвит честной народ, будто бы я лиходейка, шельма, штопаю тьмой поднебесный свет, волю мужскую сгибаю словом.

Хочешь, хорошая, мой совет?! Лучше найди для себя другого. Тот, кто дыханьем ломает льды, кто полюбил свистопляс нагайки, вряд ли захочет растить цветы, слушать у печки старушки байки, вряд ли захочет искать следы святости в грешной лихой натуре.

Я ведь когда-то была, как ты – нежной, горячей... А впрочем, дурой.

Василий Тюренок

Когда в окно разглядываешь город

*Кто-то вечно идёт возле новых домов в одиночку...
И. Бродский*

Когда в окно разглядываешь город,
То чувствуешь всеисилие теней...
Домов лилово вздыбленные горы,
Обшарпанную ТЭЦ, трубу над ней,
Неоново дрожащие витрины,
Ночных аллей безмолвное нутро,
Холодный парк – оборван и рябинов,
Тоску ларьков у спящего метро...
И видишь: безраздельно и туманно,
Людских сует блаженно лишена,
Ложась на город выстраданной манной,
Хозяйничает в мире тишина...
И кто-то – к темноте эпохи стоек –
Под вой осенних ветреных альтов
Идёт вдоль молчаливых новостроек,
Закутавшись в бесцветное пальто.

Бутманова Оксана

Да пребудет всегда...

Да пребудет всегда сила тока в твоих проводах,
Мой сутулый вагон на счастливом маршруте тринадцать.
Пронеси мимо длинных историй, живущих в стенах
Бесконечных панельных клетей городских резерваций.
Мы умчимся по двум отливающим сталью ручьям,
По ночным фонарям вычисляя в потёмках дорогу.
До родного депо – до ворот, где звезда Ильича
В потускневшем каркасе тотемом висит над порогом.

Ты такой же, как я, ты не принял пластмассовый век,
Испугавшись шальных завихрений двоичных сигналов.
За железные двери спешишь на короткий ночлег –
Смотрит в спину звезда, отливая облупленно-алым.
Говорит со звездой, с альфа-самкой пегасовых свор
О ритмичности стуков трамвая каурой расцветки,
И за ним через космос, по крышам, сквозь сумрачный двор
Тянут звёзды лучи, словно ветки – трамвайные ветки.

Но под утро поблекнет Пегас у меня за окном.
Начинаю свой день с остановки, впадаю в унынье.
Прибывает вагон, ставший в полночь летучим конём.
Наши ритмы совпали, мы вместе и присно, и ныне.
Да пребудет всегда сила тока в твоих проводах!
Ты такой же, как я – уходящей эпохи поскрёбыш,
Допотопное чудо, воспетое в прошлых веках,
Мой реликтовый зверь, обитатель бетонной чащобы.

Георгий Волжанин

Холодный перламутр в её глазах

Холодный перламутр в её глазах
лишен добра и малого сознания:
ноябрьская слепая стрекоза
нависла над полями и лесами;
она не видит – чует свой сезон,
и холодит – природа безответна,
что до меня, то я не удивлён,
напротив, я готов к внезапной смерти;
являя сверху блики хищных крыл,
голодная, грызёт нещадно веки...
Больному, нынче мне не до игры
в слепящую ненужную опеку.
Но –
слышу шёпот хищных страшных губ,
охотником присела в изголовье.
Она из тех, кто реки на бегу
морозит, отпускает, снова ловит.
Коварная пришла ко мне, за мной:
красные круги и блики, блики.
Она и я. И парацетамол.
Я весь в поту, пижама к телу липнет.
Дрожащий, слабый, я иду к окну.
Леса, поля... У горизонта алым
сочится даль, а выше (ну и ну!)
висит слепая тварь расправив жвала...

Лана Юрина

Его собака

Небо июльское – звонкая бирюза,
бойкие чайки с рассветом о чём-то спорят.
Солнце, взбираясь повыше, слепит глаза.
Он обещает собаке пойти на море.

Вот, – говорит, – как закончим с тобой дела,
так напрямик обнимать золотистый берег.
Каждому слову подшаркивает метла,
ловко мелькая в руках –
и собака верит.

Жарко с утра.
Щиплет спину колючий пот.
Он усмехается – что же, потеть не плакать.
Машет метлой всё быстрее, ведь море ждёт –
спеть свою вечную песню для них с собакой.

Сердце кольнёт – он поморщится, мол, потом.
В местных больницах не лечат с таким недугом,
им не понять.
Просто снится всё чаще дом,
что променял на чужой неудобный угол.

Здесь безмятежно – звенит за окном рассвет,
чайки по сотому кругу о чём-то спорят...

Только собаки тринадцатый год как нет.
Да и вокруг на сто вёрст никакого моря.

Alkhat

Клинок

Мне без цели истинной – жизнь пуста, по обманкам тыкаться, как слепой.

Я клинок.

Упрямая злая сталь.

Отголосок славы иных эпох.

О таких вот зубы ломала ржа, от таких – у трусов в глазах черно. Мне знаком и смертный тягучий жар, и прозрачный холод воды речной, и почти свободный хмельной полёт. Но я помню вечность в дурном чаду, где тяжёлый молот корезил плоть, но с ударом каждым ковался дух.

Был закат медлителен и кровав, и лучи сплетались, как сотни змей.

Старый мастер долго меня ковал для того, чья воля сильнее моей.

На пути в избытке хватает ям, и любая страсть – оголенный нерв. Пусть найдется кто-то острее меня, но найдется вряд ли меня верней.

54

Мне по праву лучших присуща спесь, и ничто не в силах смирить разбег, но зато я сладко умею петь о грядущей славе моих побед. Как бывает нуден постылый быт, как зовут невзятые рубежи... Что свобода слишком скучна без битв, и лишь только в битве бывает жизнь.

Смысла нет высчитывать и гадать. Если что-то хочешь, лишь взять сумеи.

Я решила, что покорюсь, когда чья-то воля выйдет сильнее моей.

На разбитых лютнях ветра бренчат, и трава похожа на гладкий шелк...

Он пришел от моря в недобрый час, он по взгляду сразу меня нашел. И одна порода, один закон, по ладони сделана рукоять. Я ещё не знала таких, как он, да и он не ведал таких, как я. Только слишком поздно теперь скорбеть, что дороги часто ведут в обрыв: я не стала главной в его судьбе, он ушел однажды, меня забыв.

В небе птицы кружатся высоко, над оврагом лапы пластает ель...

На клинке навечно остался скол от того, чья воля сильнее моей.

На душе навечно остался скол от того, чья воля сильнее моей.

Гера Шторм

Туки-туки

Солнце льёт сквозь щели сарая мёд.
Нос щекочут запахи пряных трав.
Машка, в сене спрятавшись, брата ждёт:
может быть, отыщет.
– Ааа, попалась! – крикнет и побежит
постучать по стенке, у них игра.
...Машка смотрит вверх, там над ней стрижи
гнезда выют под крышей.

Кружева причудливых паутин
заплетают солнечные лучи.
Рыжий кот сначала хотел уйти,
но, в клубок свернувшись,
замурчал от нежности детских рук.
Прелый, тёплый воздух слегка горчит.
Монотонно-длинно жужжанье мух.
...Хочется ватрушек.

Чтобы ягод много да сахарку.
А ещё – холодного молока.
«Может, бросить прятки, пойти на пруд,
к вечеру вернуться...» –
размышляет Машка, глаза прикрыв.
...И несутся белые облака
над землёй, касаясь покатых крыш,
рассыпая бусы

серебристых шариков хрусталя,
остудив полуденный летний зной.
Закрывает плюшевого шмеля
лопуха ладошка.
Голос брата ветром скользит вдали,
раздувая пёрышки лёгких снов...
– Ааа, попалась, значит, тебе водить!
– Туки-туки, Машка!

Светлана Пешкова

Берега обетованные

Я встречу май в приморском городке,
где пёстрый день слоняется по пирсу.
Там жизнь бежит беспечно, налегке,
пекут лаваш – чуть толще, чем папирус,
а кофе, обжигая горько рот,
дурманит смесью перца и корицы.
Там рыжий пёс у рыночных ворот
кого-то ждёт, заглядывая в лица
таких же отдыхающих, как я, –
беспечных, бледноликих и нездешних...
Сидеть в кафе, любуясь на маяк,
холодный брют закусывать черешней,
и, от безделья мучаясь, искать
героев ненаписанных романов,
прислушиваясь к шёпоту песка
заветных берегов обетованных.
Я здесь жила. И сотни лет назад
лаваш пекла, рвала черешню в мае.
Мне рыжий пёс заглядывал в глаза,
он был моим, я точно это знаю.
...Седой хамсин окутывал залив –
мне этот день веками будет сниться –
я помню кровь в оранжевой пыли
и тряску в незнакомой колеснице,
горячий липкий взгляд, холодный зной,
желанье умереть и ужас выжить.
И мчалось солнце по небу за мной
отважным псом – взлохмаченным и рыжим.

shah - ahmat

Млечной сказкой небо пролилось

Млечной сказкой небо пролилОсь...
Мне бы вверх, о прошлом не жалея.
Мой портрет рисует россыпь звёзд –
Огненная Лошадь в Водолее.
Мне бы ветра бешеного... Нет!
Вихря – чтоб взметнулся сердца пламень.
В бездне глаз чтоб отражался свет
мира этого, а не надгробий камень.

Вот тогда – любое по плечу.
Что там беды? Муки размышлений.
В небо надо – птицей полечу.
В бездну нужно – в бездну, без сомнений.
Руку дать упавшему с небес.
Поделиться влагой в полдень знойный.
Не боясь, пройти сквозь тёмный лес
чувствуя плечо. Ладонь в ладони.

Как вернуть остывшее тепло,
и разжечь огонь, пока не поздно?
Эх, тоски по горло намело...
Жить хочу кометой в небе звёздном!
Пусть сгореть, но тысячей огней,
и согреть одну хотя бы душу.
И, вступая в царствие теней,
быть собой и верить, что не струшу.

Елена Шилова

Невесомость

Голуби в лужах, трещинки на коре,
Руки, насквозь промёрзшие без перчаток...
Снова дышу на пальцы – слегка согреть,
Чтоб продолжать тебе на бегу печатать,
Слать цифровой и буквенный белый шум
В синюю даль, в космически-тёмный вечер.
Ангелы там читают, что я пишу,
И, загрустив, вздыхают по-человечьи.

Город купает скверы в слепом дожде,
Нежно смывая шлейф прошлогодней гари.
Вечность назад, в такой же апрельский день,
В небо навстречу солнцу взлетел Гагарин.
Атомный век, привыкший людей сминать,
Сдался тогда – с весной разговор особый.
...Знаешь, я тоже чуточку космонавт,
Без подготовки рухнувший в невесомость.

Если мечта зовёт, отвечаешь «да»:
Сделанный выбор сложно назвать ошибкой.
Мне остаётся только любить и ждать,
Ноющий страх скрывать под бронёй обшивки.
Я всё пишу, и время бежит вперёд,
Кроны спешит одеть в молодую зелень...

Главное для ракеты – успешный взлёт,
Мне же важней тебя вернуть на Землю.

Р и т а

Приходит пёс

Весной сломался дед. Ослаб, усох.
Дотронешься – и сыплется песок.
Как старый одуван сидит на лавке.
В рубахе новой, тщательно побрит...
От подступивших слёз в глазах рябит
И колет беспощадно, как булавкой.

Приходит пёс. Не нужно ничего,
Тревожно только: как там дед, живой?
И почему не кличет супостата?
На старика опасливо глядит.
Поджатый хвост и боязливый вид:
Пугающе труной запахла хата.

59

Приходит конь. Не нужно ничего,
Но скоро ожидается жнитво.
Почто старик без дела странно замер?
Ну, может, хоть в телегу запрягут...
Согласный и на вожжи, и на кнут,
Целует деда тёплыми губами.

Приходит страх: а как им без меня?
Так вышло: это ж вся моя родня.
Подумаешь, кольнуло, заболело...
На лавку иногда не грех присесть.
Лохматый и каурый – оба здесь.
Маленько отдышался – и за дело.

Nadezhda-lis

Милая Хадсон

Милая Хадсон, наш Шерлок сошел с ума.
Травит бульдога, стреляет из револьвера.
В роли мишени используется стена,
Полки с посудой и дверки от шифоньера.

Знаете, он ведь почти что не говорит:
Что-то бормочет и тянется до кровати.
К вечеру бренди немного его бодрит.
Кажется, Шерлок помешан на Мориарти.

Он не единожды даже напал на след.
Все операции кончились неудачей.
Шерлок не спит и почти ничего не ест,
Ходит по дому небритым и очень мрачным.

60

Как-то признался, что я его близкий друг,
Мол, без меня полетел бы уже с катушек.
Я подаю ему кофе, табак, мундштук,
Просто напротив сажусь и готов послушать.

Он наливает нам выпить, берет прицел –
Больше, конечно же, целится по сервизам.
Милая Хадсон, ваш домик пока что цел,
Глэдстоун – чудом, но тоже пока что выжил.

Холмс говорит: «Я оставлю один патрон,
Либо профессору, либо себе же в череп».
Если б вы слышали этот зловещий тон,
Вы бы поверили. Я, например, поверил.

P.S.

Милая Хадсон, доверю один секрет.
Если стояли – то, будьте любезны, сядьте.
Ватсона не было. Ватсон – мой личный бред.
Искренне Ваш.
С наилучшими.
Мориарти.

Галина Тарасик

Парижский дождь

Грациозный длинноногий дождь
По широким улицам Парижа
Весело бежал, и не поймёшь,
Почему заглядывал бесстыже
Под зонты, в усталые глаза...
И никто не знал, что приглашает
Дождь – а он не может приказать! –
В облака с бахромчатою шалью.
Но капризен житель городской.
Смотрит под ноги себе. Бедняга...
А слоны из серых облаков
Превращались в носорогов наглых.
Вытер дождик городскую пыль,
Вниз скатился с Эйфелевой башни.
Никому ни в чём не уступил,
Был готов сражаться врукопашную.
Город поцелуями пропах,
Романтичен, мокр, пахуч, фарфоров.
Дождь в неиссякаемых слезах
Присмирел на куполе собора.
Сам он парижанин коренной,
Знал: нельзя влюбить в себя с насока...
Замер, насладился тишиной
И решил, что хватит чувств высоких.

Оксана Кар

Выжить

Доктор, мне страшно очень, –
Передо мной и за
Стелется цвета ночи
Вязкая полоса.

Страшно считать минуты,
Рвётся бездумно ввысь –
Скинуть земные путы –
Нервная птица-жизнь.

Доктор, долой печали, –
Медики слёз не льют.
Слёзы спасут едва ли...
Доктор, я вас люблю.

62

Вдруг из того «далече»
К вам я ещё вернусь?
Доктор, держите крепче.
Пусть так и будет...

Пусть...

Алексей Кузнецов

Движениями осторожными

«Не ранним утром, не глубоким вечером,
А между всякими делами сложными
В любимом шейкере проблемы вечные
Смешай движениями осторожными:

Что не хотелось бы, чего желалось бы,
Не обретённое и надоевшее,
Проступки, подвиги, хвальбы и жалобы,
Мечты летучие, реальность пешую.

Но коль рука дрожит, смени занятие –
Сходи в столовую, послушай новости...
Вся прелесть этого мероприятия
(Смешай, не взбалтывай!) в неоднородности...»

63

– Да мы ж не просто так творцы-вятели, –
Пробормотал Господь, подумал взвешенно,
Ещё разок-другой прочёл внимательно,
Закрыв пособие и создал женщину.

Гелия Алексеева

Летчик-испытатель

Синяя форма, очки, белый шлем...
Небо и солнце – краса неземная.
В собранном взоре и твёрдой руке
Пульт управления ада и рая.

Мысли, как быстрые птицы, кружат.
Вздвигнув, судьба на решающем взлёте
В старом планшете чертила квадрат –
Здесь попрощаешься с небом в полёте.

Вспомнилась мать и вечерний закат,
Плыли огни вперемешку со звёздами,
Синее платье, узоры платка.
Сын бьёт по мячику ножками босыми.

64

Молнией яркой пронзил небеса,
Падая вниз, где заря догорала,
Дымом прочерчена вниз полоса –
Лётчика небо земле возвращало...

* Этот случай имел место в жизни летчика-испытателя Григория Яковлевича Бахчиванжи, совершившего 15 мая 1942 года первый полет на реактивном самолете БИ-1. После второго полета на нем, Григорий Бахчиванжи, отвечая на поздравления друзей, произнес слова, вызвавшие изумление и споры. «Друзья мои, спасибо за все, за труд ваш, за пожелания здоровья. Но знаю: я разобьюсь на этом самолете. Я иду на это с полным сознанием долга». И он действительно, на седьмом испытательном полете, на этом самолете 27 марта 1943 года погиб.

Анна Лисицина

Упаковочное

монолог упаковки от новогоднего подарка

...На душе не то чтобы не светло,
на душе не то чтобы не тепло,
только всё – огарково.
Мне б расправить края и лететь в края,
где вольны и способны таких, как я,
называть подарками!

Столько раз декабрь был прожит в году,
столько раз мы всякую ерунду
одевали в палевый...
Что там «мы»... лично я всё ждала – не вру, –
что вот-вот соберутся все люди в круг,
чтоб *меня* выхвалять.

65

Вот таких хоть в Йель прописать под ель,
вот таких мечтают забрать в портфель
знатоки с портфелями!
...На подарки осядет почётный шум,
а на мне и слюнявому малышу
рисовать не велено.

На бесславье кажется: мишура
долговечней, выше... почти журавль
над тобой, малиновкой,
над соседками, впавшими в злобный шок:
«У подарков изъяны – нехорошо!
Сжечь! И дров подкинем-ка!»

И внутри начнётся такой же зуд,
но опомнюсь. Выдохну. Уползу.
Где вы, счастья новые?
Говорят, вы приходите в январе.
Жду вас... Хрупкая. С оттиском: «Подарить,
но не упаковывать».

Жиль де Брюн

хранитель

Гляди, мой ангел, как тебе легко –
лететь над всем, себя не замечая,
над облачным топлёным молоком
позванивать небесными ключами.
Стать ветром, заигравшимся с листвою,
оракула печального не слушать.
Смотреть, как тонет бедный остров твой,
как след триремы замечает сушей.
Здесь тоже море: серая вода,
над мелководьем плачущие чайки.
Крещенские (плюс пять) не-холода,
интрижки, пьянки, празднички, печальки.
Безвременье, но некого винить,
вот разве что себя, и то вполсилы.
Как будто к светлой истине приник
и отшатнулся: страшно и красиво,
но слишком поздно.
Не меня храни.
Во мне теперь не музыка, но скрежет.
И только долг меня с тобой роднит.
И только нежный свет над нами брезжит.

Т а Ш и К о

...И становится хорошо

Оплывают воском иконы в Никольском храме.
Я сижу на камне, на острове Валааме
и смотрю, как чайки сшивают воду и небо.
Ветер треплет волосы, гонит волну по Нево*.
Горизонт рябит от стежков.

Монастырский дворник не в духе, ворчит над ухом:
«Ты всё что-то ищешь, а зря, в глазах-то – поруха...**
Говорят, Христос по воде ходил в Палестине.
Врут, поди. Откуда же море взялось в пустыне?
Ишь, надумали пустяков***!»

Что там было, нам никогда не скажут ни воин,
ни монах, ни книги святыя на аналое.
Бог нам дал один лишь закон – любить и плодиться.
Вот, испей чайку из озёрной чистой водицы».
Подживает на сердце шов.

Нево льнёт к ногам, омывает каменный берег.
Всех ответов мне не сыскать, но дастся – по вере.
Я сижу на камне, пью чай на травах и знаю,
что отныне буду душой немного иная,
и становится хорошо.

*Нево – историческое название Ладожского озера.

**Поруха – то же, что разруха; полное расстройство чего-либо.

***Пустяк – обычно мн. ч. (пустяки, -ов). В значении вздор, нелепость, глупость

Nebraska

Уехать. Избежать...

Уехать. Избежать ненужных слов,
Спасись самим, спасти свою любовь,
Расторгнуть связи.
В незнакомом мире,
Понять, что дважды два – опять четыре
(В двоичном – пять),
Нельзя же без основ.
И тот же кофе с булкой по утрам,
А может быть, хрустящий круассан,
И вид из окон – словно яркий постер.
Могло быть так.
Но убежать не просто,
Когда того ты не желаешь сам.
Зарыться в неге, в шелесте волос...
Ты в эту жизнь давно корнями врос.
Вопрос не в том, готов ли к переменам,
А в том, что ты не хочешь перемен,
И строишь увлечённо свой домен,
В котором «ги» должно быть непременно.
Но это не заслуга – просто жизнь,
В которой дни кружились и неслись,
Не постигая разницы доменов.

Тень ветра

Солдат и чёрт

*Однажды шторм закончится, и ты не вспомнишь, как его пережил.
Ты даже не будешь уверен в том, закончился ли он на самом деле.
Но одна вещь бесспорна: когда ты выйдешь из шторма,
ты никогда снова не станешь тем человеком, который вошёл в него.
Потому что в этом и был весь его смысл.*

.....Харуки Мураками

Холодом давит мне в спину поле,
так и не вспаханное никем.
Зубы сжимая, скулю от боли,
даже поднять головы не волен.
Выстрелы слышатся вдалеке.

– Стонешь, солдатик? – проблеял в ухо
чёрт и с ехидством нажал на грудь. –
Бой завершается... эка скука...
– Сволочь рогатая, кровь унюхал? –
выдох, и тут же спешу вдохнуть.
– Душу унюхал! А кровь – на кой мне? –
рожу скривил, посмотрел окрест. –
Славная, братец, случилась бойня,
многим – со мной, а иным – по койкам,
если гангрена в пути не съест.

Тело как будто окаменело,
еле ворочаю языком:
– Мне бы, конечно, пожить хотелось...
– Это калекой? Ценю за смелость...
– Сеять пшеницу в селе родном,
жёнку голубить, растить сынишку,
рыбу в пруду на заре удить...
– Хех, до чего же смешной парнишка, –
чёрт рассмеялся и вынул книжку
из ниоткуда. – Ещё что?
– Пить.

– Пить? Это можно...
Удар копытом.
Облако бросило дождь в лицо.
– В списках не значишься. Ох, и прыток. –
чёрт, хлопнув книгой, сказал сердито, –
Не повезло, рядовой Кольцов.
К слову, – в зрачках полыхнули искры,
сузились чёртовы зенки зло, –
Нет у тебя ни родных, ни близких,
в царстве небесном у них прописка –
напрочь сгорело твоё село.

Мне показалось: сижу я в клубе,
киномеханик включил кино.
Вижу, как рву маргаритки с клумбы,
чтоб подарить на свиданье Любе;
вижу, как ворон влетел в окно –
знать, непременно беда случится...

Вижу, как в небо уходит взвод –
там утопает тропа в зарнице,
там мессершмитт распластался птицей
хищной и насмерть людей клюёт.

Вижу, как вишни в саду поспели,
сыплются в руки – за ветку тронь,
как я семью обнимаю крепко,
смех разлетается мягким пеплом.
Жарко.
И всюду огонь, огонь...

В кадры такие поверить трудно.
Чувство, что я на кресте распят...
– Чёрт, если выживу – всё забуду?
Он усмехнулся:
– Возьму рассудок... Душу оставлю.
Прощай, солдат.

Долгие годы, как день вчерашний,
прячутся в пятых углах палат.
Льётся залиvistый гомон пташий,
солнце теплом осыпает пашни...

Я подхожу к санитарке Глаше:
– Милая, правда, война была?

Артур Кулаков

Вечер, ждущий рассвета

Мой мир – музей одиночества,
увешанный портретами никому не нужных душ,
то есть не прошедших искусственного отбора,
отброшенных эволюцией на обочину светлой дороги.

Есть в этом музее библиотека,
но попасть в неё может лишь тот,
кто откроет замок сострадания
ключом, отлитым из искренних слёз.
В этой комнате над свитком реки дремлет лес.
Он так долго читает текучую правду воды,
что забыл значение слов.
Они для него просто бабочки, кузнечики и стрекозы.

72

Есть в этой библиотеке книга,
страницы которой боятся осуждающих глаз.
Её строки – пальцы вечернего света.
На ветвях её тишины гнездятся молчаливые мысли,
а по земле расстилается красота,
не помнящая ни родства своего, ни создателя.

Знаешь ли ты, что тишина – это мать забвения?
Осмотришь – и увидишь вселенную, лишённую слов!
Вот незабудки – осколки вчерашнего неба.
Лужайка, облитая иван-чаем –
зеркало давних закатов и рассветов.
А ромашковая поляна,
трепеща белыми ресницами,
пытается припомнить меня.
Мир – художник с короткой памятью,
и поэтому я здесь чужой,
а значит, никто,
всего лишь портрет неизвестного.

Вот почему я пишу эти строки:
Каждая буква – глаз,

ищущий радости в цветочке пастушьей сумки.
Каждая строчка – рука,
вытягивающая из кокона луны драгоценные нити печали.
Каждое стихотворение – ворон,
в глазах которого прячется ночь,
а в сердце – желание стать наконец лебедем,
белым, как волосы Бога,
и вспомнить родной язык,
ведь именно на нём написана непонятная, но светлая фраза:
«Будьте как дети».

синешкафье

Л..

... А здесь осыпается липовым цветом сносиня Лиепая
Горчинки песка на ладони крупницей французской горчицы
Я знаю о том, как внутрищекотно ты начинаешь таять
У крыл замечательной синей же Happiness птицы...
На спицах теряются петли минут и нолики электронных
И стынут по глиняным чашкам молочные оолонги...
Медовые капли свечей нам на вкус всем как будто знакомы
Ты знаешь, что ночью все слухи и нити особенно тонки...
... А здесь осыпается липовым цветом сносиня Лиепая
И хочется быть обнаженной до самой последней страницы,
Когда чей-то End превращается в эндшпиль... Сыграем
В известную нам черно-белую без заграничность?..
И без ограниченных солом сопрано звонков телефонных
Мы в заспанных звездах найдем много новых мелодий
Красивы картинки пейзажей в подрамниках заоконных...
И тих в ожиданье полночных гостей колокольчик на входе...
... А здесь осыпается липовым цветом сносиня Лиепая
И в книжном шкафу томных сказок двухтомник томится,
Ты шепчешь мурлыке о шитых не лыком... И, улыбаясь,
Весь мир за окошком обняв, я лунно иду тебе сниться...

А к с

Январь

Январь, и что ни день – короче ночь:
светает – раньше, и темнеет – позже,
но времени шагреновая кожа
тесна в груди...

Мы, в принципе, не прочь
жить не спеша, секунды смаковать,
быть мудрецами типа Диогена,
но скорость жизни просто офигенна:
чуть встал – а уж пора идти в кровать.
Остановись, мгновенье! ты прекра...
сны тоже снятся как-то конспективно:
спи в темпе, и вставай оперативно,
и ускоряйся с самого утра –
до темноты, и дальше – в темноту,
под горку, по накатанной дороге,
отнюдь не размышляя об итоге
ни на бегу, тем паче – на лету...

Tortila

Песок

...Время уходит песком сквозь пальцы
Юрьевская

Сидишь себе в квартире неприметно,
Листая что-то, кажется, словарь.
Вернув на полку томик скуки смертной,
Встаешь и едешь на Цветной бульвар.

Зачем второй Волконский переулок
Тебя манит? Ведь ты не весельчак.
Как будто на аркане потянуло –
И тянешься, проклятья бормоча.

Тот старый дом – его снесли недавно –
Но вот же он, по-прежнему стоит.
А вдруг машина времени исправна
И ждет сошедших с будничных орбит?

И вот подвал заброшенного дома,
Ступеньки, вниз летишь, не чуя ног.
И падаешь, легко и невесомо,
Хватая ртом опилки и песок.

Юрий Октябрёв

Невозвратно

Пока во сне не плещет море,
не слышен влажный шепот леса –
ты просыпаешься не споря
с необходимостью процесса
вставать, скрести станком щетину,
жевать на кухне бутерброды
и мнить себя безвестной псиной
непрезентабельной породы.

Но если сон на мягких лапах
полночным зверем подкрадется,
то ты шагнешь за ним на запах
цветов, увивших сруб колодца,
и, оробев до сладкой дрожи,
заглянешь внутрь, страшась и млея,
и ощущая всю кожу,
что ночь становится теплее,
что перебором тонких пальцев
тебя нащупывает тайна,
что колют крохотные жальца
мурашек вроде бы случайно.

И тут же слух уловит снизу
и шум листвы, и шелест пены,
как будто свежую репризу
давно забытой кантилены,
и ты потянешься навстречу,
не замечая стенок сруба,
и распрямятся снова плечи,
и разомкнутся снова губы,
и заскользит куда-то тело
по шелковистой глади спуска,
чем ниже – тем все ярче белой,
чем дальше – тем все меньше тусклой,
и закружатся в хороводе
вокруг мерцающие пятна...

Вот так, наверное, уходят –
во сне
с улыбкой
невозвратно.

Братислава

Бинтуя душу

Когда-нибудь за горизонт земной
К незримой – но влекущей властно – цели
Потянутся накопленные мной
Мгновения, минуты, дни, недели:
С меня снимая, как витки бинта,
Недуги, седины, морщины, страхи –
Всё, что успело время намотать
Поверх крестильной ситцевой рубахи.
Стирая память, без разбора вех,
В ускоренной обратной перемотке,
Но чётко позволяя вспомнить всех
И озарить на эпизод короткий.
И кто-то распелёнутой душе
«Лети!» прикажет и скользнёт навстречу,
И осознаешь, что вот-вот уже...
А может быть, всё будет проще, легче.
Пора уже принять года свои,
Принять себя: и в прошлом, и в грядущем –
И продолжать накапливать слои,
Которыми бинтует время душу.

Александр Соломатин

Афалина

На тополях изумрудная вянет смальта.
Ветер сломался – жара одолела город.
Рыжий художник над плавящимся асфальтом
Воздухом пишет равнины, а может, горы.

Вечером, после отчётов и методичек,
Встреч, протоколов и прочей словесной тины
Снова мерещатся мне в суете столичной
Волны, в которых целуются афалины.

Тающий город гудронную выгнул спину.
Ночью, устав с несговорчивым летом спорить,
Я становлюсь улыбающимся дельфином –
Тенью себя в раскалённом бетонном море.

Лола Ува

Категория вечной драмы

Да, ты прав! Безусловно, прав. Ну а я, как обычно, дура и, бездарно в любовь сыграв, обречённо давлю окурков. Сигарету назвать бычком – это ласково или грубо? Так о чём я?.. Да ни о чём... Это просто диагноз. Группа. Обострение я_плюс_ты_нь. Может, встретимся на неделе? Помнишь, как устремлялись в синь хороводы лохматых елей, в снег укутанных как в манто, тут – пушистее, там – короче?.. Ты прости, я опять – не то... и не там, и не тем... А впрочем, не плевать ли на разность тем? В категории вечной драмы не понять, кто чего хотел. Папа – выпить, а мама – раму мыла просто, чтоб что-то мыть? Или чтобы ходить по краю?

Без таблеток с названьем «мы» то болтаюсь я, то болтаю...

Мы не пара, пока ты прав. Может, стоит свернуть налево? Редкой птицею до Днепра, белой шахматной королевой на толпу свысока взирать, не приемля плохих известий. Ждать и думать: ну где взять рать, чтоб она собрала нас вместе. Чтоб сложила в единый пазл, в романтическую картину, где б усталый ты засыпал, я – тихонько дышала в спину...

Всё несобранное – в утиль. Безвозмездно и безвозвратно.

Если дальше не по пути, значит, оба мы виноваты.

Оправдания – на потом, я придумаю на досуге, а пока напишу о том, что любовь, как известно, сука, и со временем всё пройдёт. Множу строчки, тушу окурки. Ну – до встречи, до скорой, до... санитаров, везущих в дурку, там немало таких «писцов» и героев, чей жребий – брошен. Я устала держать лицо. Разбегаемся, мой хороший. В мире много других ребят, кто-то встретится, пусть не сразу. И привычное: «Я тебя...» обрываю на полуфразе.

Hellin

Время собирать ракушки

Рекой притворилось море,
покорно лежит у ног –
глубокое и голубое.
Покою приходит срок.
Так тихо, что волны слышу.
О чём-то они шуршат.
Как будто камышка ищет
потерянных камышат.
Коса перешла на берег:
мелеет, мельчает плёс –
ракушки жуёт и мелет,
ровняя крутой откос.
Бездонный покой всё реже,
Всё громче у моря сны.
Но так колыбельна нежность
кружащей песок волны.

82

По рёбрам песочно-рыжим
Пожар пробежал и сник:
Закат наши тени слижет,
Иссякнет огня родник.
С последним скользящим бликом
Я дню прошепчу: «Прости»,
И этот покой безликий
С собой унесу в горсти.

Lilu Amber

Сон у воды

Это голос воды, он потянет рассудок на дно.
Предрассветные птицы из снов извлекают зерно,
Над тобой – глубина, ты укроешься в донном песке,
Чтобы соль одиночества вызрела на языке.

Чтоб забыть все слова и причины уметь говорить,
Сделать время бесплотным, течения чувствовать ритм.
Раствориться в воде тем огромным и горьким ничем,
Что нуждалось в любви, но погибло без тёплых лучей.

Камышиной душой убаюкать предчувствий волну,
По следам водомеров ходить по воде – не тонуть,
И теряя себя, замереть перед чёрной дырой,
Отнимающей прах, первый вдох и больное ребро.

83

И проснуться от слёз, осознав, как в груди горячо,
Видеть тех, кто смеётся за правым и левым плечом.
Где-то есть человек, он всё чувствует так же как ты.
Слушай голос внутри, отзывайся и смело иди.

Ната Матвеева

Лето Господне

такая тишь вокруг – и полусловом
остерегайся капли не пролить.
омегами звенят болиголовы
и альфами глухонемеет сныть.
забрешит одинокая протока
у самых глаз, и будешь по глотку
с тропы медвежьей пить туманы Блока
и сны стеречь в затерянном стогу.
там, при дороге, две сосны корявых –
их лапы в синеве, их головы в бреду.
а в лапах воробьиная орава
притихла, чтоб опять затеять чехарду.
суглинки насторожены в касаньях
к твоим стопам, когда проходишь вдоль
сухих коржей нетронутых еланей.
болота ждут дождя, синееет гоноболь.
и видится, как нос макает полдень
в тягучий зной, и кажется порой,
что нет предела милости Господней.
блаженствует камыш, и в заводях покой.
не познана, не понята, не спета,
затворена в кавычки деревень
полынного землячества планета,
что выпала тебе на каждый день.
цитировать спеши себе в угоду,
как в детстве – без шпаргалок, наизусть,
её зарниц далёких хороводы
и тёмных вод оправданную грусть.

Ninzy

Малыш и Карлсон

День начнется со слов: «Ты такая смешная, малыш...»
и попытки, в постели еще, сосчитать мне веснушки.
Я сварю черный кофе, пока ты под душем стоишь,
а в дорожную сумку засуну свежайшие плюшки.

Снова ждет тебя небо, а значит, я буду опять
одиноко грустить, понимая – работа такая.
Это дело житейское – Карлсон и должен летать,
только я по тебе, мой любимый, безумно скучаю.

Я, наверно, должна изо всех, как положено, сил
ждать, а главное верить, в надежде на скорую встречу!
Постараюсь не плакать совсем... Но уж если спросил,
то, конечно, я всхлипну и, шмыгая носом, отвечу:

«Жаль, что время нельзя повернуть на неделю назад,
и начать выходной, где мы так веселились сначала».
Ты утрешь мои слезы и, сделав «большие глаза»,
вдохновенно шепнешь: «А у вас молоко убежало...»

Отложу ненадолго в сторонку щемящую грусть,
попрощаемся мы у подъезда, на лавочке стылой.
Напоследок я крепко-прекрепко еще раз прижмусь,
повторяя: «Спокойствие... Только спокойствие, милый...»

Поцелуешь, с лица отведя непослушную прядь,
я прикрою глаза, от касания губ твоих млея,
а когда на прощание стану тепло обнимать,
заворчишь: «Осторожнее там! Не дави мне на шею!»

Мне покажется, будто пропеллер трещит за спиной
и наполнятся влагой глаза, словно чайные блюдца...
Закричу тебе вслед: «Самый лучший, любимый, родной,
ты, конечно, лети... Но ведь ты обещаешь вернуться?»

і п а у а

письмо из харчевни

Время диктует свои законы. Скачешь по кругу (живёшь?) и вдруг
ловишь на лицах своих знакомых
неузнавание и испуг.

Вроде вчера ты родился с маем – завтра тебя январю сдают.
Время, Мальвина, наш вечный каин. Холст, разрисованный под уют.
Виза кончается. Вечность ближе. И на исходе восьмая жизнь.
Не понимаю, что мною движет, но я тебе напишу – держись.
В липком тумане не ищут истин. Лишь кукловоду опять карт-бланш.
Марионеткам не стоит мыслить. Чувства в театре всего лишь транш
по проводам неизменных нитей...

Вышел в тираж, а спасенья..... нет.
Сломанных кукол не любит зритель. Мёртвая зона. Пустой сюжет.
Странно... – потёрт и костюм, и имидж, но, как и прежде, душа горит.
Это банально. Убого. Финиш. Жалким Пьеро я по горло сыт.
Знаешь, забыть тебя также сложно, как Буратино сыграть хоть раз.
Холодно в этой харчевне, Боже. Виски плохой и унылый джаз.
Я как индюк в пресловутом супе. Лучше б любил Мэрилин Монро.
Очень скучаю по нашей труппе.
И по тебе... как всегда...

Пьеро.

Maraga

Эй, старик, уходи

Он поклонится низко у моря от гнева седого,
И начнет лепетать: «Государыня, матушка, здравствуй!»
Я отвечу сурово: «Иди подобру-поздорову!
Не бывать твоей бабке владычицей нашего царства!

Не бывать и земною царицей на троне шикарном;
И боярской парчой перед девками не красоваться!
Мне другая была бы до смерти своей благодарна!
Ан чего оказалось ей надобно! Экая цаца!

Дашь ей райские кущи, ей мало покажется рая;
Мы подобных жадюг в нашей зыби морской не встречали!
Забираю избу! И корыто назад отбираю:
Пусть живет, как жила; пусть томится в нужде и печали!

87

Эй, старик, уходи, забирай свой потрепанный невод!
Что старухе споешь, не моя, дурачина, забота!»
Он покорно вздохнет: много ль нужно – царицу прогневать,
Если даже старуха заводится с пол-оборота.

И пойдет себе с Богом: сутулый, несчастный и робкий,
Запахнувшись от ветра дерюгой – заплатка к заплате.
А ведь он для себя не спросил даже жидкой похлебки;
И меня отпустил, не подумав сперва о награде...

Он вернется к старухе... Жена его встретит улыбкой,
И обед поднесет, и потянется с ласкою к мужу,
И довеку не вспомнит меня – государыню-рыбку.
Забрала я корыто. Но я подарила ей душу...

Г а л а х а д

Я не могу вернуться во вчера...

Я не могу вернуться во вчера,
Сесть на скамейку под кустом сирени,
Смотреть, как гладят крышу вечера
По рёбрам черепицы длинной тенью.
Пройти через калитку в тесный двор,
Где бабушка копается на грядках
И где крыжовник лезет сквозь забор
И я его незрелым ем украдкой.
Я не могу ей крикнуть: «Здравствуй, Ба!»
И побежать навстречу, словно пять мне,
Мне столько лет, как было ей тогда,
Когда я плакал, ей уткнувшись в платье.
Я не могу переступить порог,
Пройти домой по чистым половицам.
Я не могу... А если б все же смог,
Где силы взять оттуда возвратиться?

Женя (Гнедой)

на краешке земли

сижу на краешке земли
в цветастой шелковой рубахе
и тычу в морду черепахе
травинкой, сорванной в пыли.
надеюсь, что вот-вот чихнет,
но у нее другие планы –
материки, пять океанов,
и полусферу-небосвод
держат, не допуская крен...
не терпит наглого нахрапа
и прячет голову за лапы –
достал ее абориген...
а у меня болит душа:
ты обещала (вспомни это)
дойти со мной до края света,
но почему-то не дошла...

89

...
сижу на краешке земли
в цветастой шелковой рубахе
и тычу в морду черепахе
травинкой, сорванной в пыли.

Марина Шахаф

Амфибия

если однажды вдруг надоест летать,
крылья расправь, приляг на морскую гладь,
примет вода, качая тебя легко,
в тёплый туман, в топлёное молоко.
небо с водой похожи – и тут и там
синяя даль, глубокая высота.
время течет замедленно, век длинней – здесь в глубине.

холоднокровным проще на свете жить –
просто плыви вперёд и в струю ложись.
вместо ветров ласкает тебя гольфстрим,
вместо вершин коралловый риф пестрит.
тут на песке повсюду следы гостей,
смертью жемчужной устлана их постель,
тихо колышет кости, как белый снег – здесь в глубине.

стань серебристой рыбой – ни дум, ни слов,
в яркий плавник свернётся твоё крыло,
вырастет хвост, раскроется пара жабр,
в брюхе – воздушный шар, и ты – дирижабль!
нет, субмарина, хищный рыб-субмарин –
бездны подводный сторож и властелин!
хищником сытно счастливо жить, вполне – здесь в глубине.

помни: ни взгляда ввысь – затверди наказ.
сверху приходит смерть на конце крючка.
схватишь наживку – в губы вопьется сталь,
с силой потащит вверх тебя высота.
снова увидишь солнце над головой.
воздух глотнёшь..., но в жабрах взорвётся боль.
и плавники расправишь, но не взлететь –
мстят небеса забывшим о высоте!

вспомнишь, кто ты, прогнувшийся на блесне,
душу свою узрев...
в таинственной глубине.

Вика Корепанова

Светлое

В столовой сладко пахло тишиной,
Компотом, пирогами с вишней свежей.
Изящный луч на скатерти цветной
Подрагивал смешно и безмятежно.
Считал пылинки комнатный бамбук.
В углу дремал увесистый сундук,
Похожий на наследие пиратов.
В нём пряталась от света, кошек, взглядов,
Коллекция диковинных вещей:
От статуэток до винтажных кукол, –
Им век назад прадедушка «агукал».
...Казалось, ничего нет озорней,
Когда тайком от взрослых, незаметно,
Приоткрывалась крышка в мир заветный...

91

Сундук давно не заперт, – нет ключа
(Теряются ключи в карманах жизни).
Игрушки приходили по ночам
Хранили сон, баюкали неслышно.
Прислушивались к звукам за окном:
Постукиванию в жёлобе сливном,
Мелодии дождя по старой крыше,
И к мыслям о мышах, о днях в Париже,
О возрасте, о ценности людей,
Их радости от трепетной заботы,
Невечности и грусти отчего-то, –
Что мало дней рожденья, январей,
С любимым Рождеством и Новым годом
(когда все вместе – дни не мимоходом).

...Хлопушки, смех, бенгальские огни,
Фонарики, и на комодке свечи.
Сосны прохладный аромат пьянит,
И хочется кричать по-человечьи.
Почувствовать себя, как человек,
Мороз глотать, пушистый трогать снег,

Который на дворе, а не из ваты, –
Мечтания для кукол странноваты?
Наверное, открытое пространство
Так действует на тонкие умы,
Что хочется восторгов от зимы,
Общениа живого постоянства.
Ещё: летать и грёз дыханье слышать...
В столовой пахло пирогами с вишней.

Д а р у а

Растерянное

Ты стоишь на мосту и не знаешь, куда идти,
из светящихся окон струится чужая нежность.
Ты сказал, что вернёшься не поздно, до десяти,
только дни перепутал,
и город в глазури снежной
показался чужим – гулких улиц чертёж, дома,
нацепившие зиму на крыши и на карнизы,
вязь перил под рукой, тишина, пустота, обман
звёзд – как будто ручных.

На фонарный скелет нанизан
тусклый месяц-светильник, сугробы-авто тайком
разговоры ведут на стоянках о непогоде...
Ты стоишь на мосту и не помнишь, кто ты такой.
По-старушечьи шаркая, наше вчера уходит.

93

Я ждала – сотню лет, на окне рисовала дом,
чтобы ты, возвращаясь, не мог ошибиться дверью...
Ноет между лопатками, душной дышу бедой,
что однажды вернёшься, не веря.
Почти не веря.

Роксана Ланд

Два шага в темноту...

Два шага в темноту, два слова в ночь...
Неверными, озябшими руками
Сложи лиловый сумрак в оригами.
Забыв, что холод выдержать невмочь,

Ступи на снег – оставь свои следы
По белизне петляющим пунктиром,
На грани тьмы и света балансируй,
И сапоги железные до дыр

Стопчи, ища единственный ответ
На тот вопрос, что задан был когда-то.
Пойми, что правых нет и виноватых.
Есть только путь – в нём заключён весь мир.

Наталья Сафронова

хозяйка

С годами муза стала молчалива,
я с ней себя не чувствую счастливой.
Что ж ты молчишь? молчать пристало ль – музе?
Ужели стала для тебя обузой?
из жалости приходишь? по привычке?

Достанет сигарету, чиркнет спичкой,
все молча. Чаю, кофе, рюмку водки?
Она пройдет тяжелою походкой.
– Старею, – скажет, – стала уставать.
Люблю послушать тишину – седую,
мы сестры с ней. На раны ей подую,
такое мое дело – врачевать.
– А как же я? – спрошу. – Ты слушай тоже.
Мы с тишиной по возрасту так схожи,
пустая не пристала болтовня...

Я присмотрюсь: ни крыльев, ни веночка,
вот потому и не ложатся строчки...
А главное – ни слова, ни полслова
не молвит про тебя и про меня.
Ты с ветром породнился,
я с самою
хозяйкою ночью –
тишиною.

Лионель Садорро

Она

Она – океан. Завораживает. Манит.
Пьянит глубиной и могуществом сильных мира.
Она неизменно притягивает – магнит,
Сбивающий с ног и привычных ориентиров.

До стука зубов пробирает её волна,
Когда за глаза и в глаза выдыхаешь: «Боже!»
С ней каждая встреча безбрежно обнажена,
И каждое слово её – словно плеть по коже.

Стихия извечно покорна мужским рукам,
Рывкам вопреки захлебнувшейся солью глотке.
Захочешь её обуздать – и познаешь сам,
Как волны баюкают щепки, но топят лодки,

96

Как, холодом гибели скован и красотой,
В ушах нарастающий гул победить не волен,
Во тьму погружаешься – вымотанный, пустой –
Изведать её глубины и горчащей соли.

Elena Che

О боли

Распустилась...

Ну как не стыдно? Поселившаяся в теплом теле,
боль гуляет вольготно, сытно, стол и ложе со мною делит.

Помолясь, поднажать на вёсла?

Да течение вечно против.

Дело в том, что в ушедших вёснах было то, что теперь всё портит.

Внутри озлобленным хладожаром лезет очередная пакость...

Как же быть?

(По закону жанра, тут бы надо сейчас заплакать...)

Нет! борьба – это дело чести, и азарт – головы кружитель.

Говорят, против боли местный применяется раздражитель.

Вроде, клин вышибают клином?

Это пахнет возможным риском –

иль триумф, жизнь и дисциплина, или верное самоубийство.

Много ль шансов себя обезболить, под удары подставив щёки

и пытаюсь усилием воли избежать болевого шока?

Лишь бы не было слишком поздно...

Только б всё держать под контролем!

Это – лозунги, а серьёзно: я боюсь рецидива боли,

а точнее, совсем не верю временам,

ненадёжным очень:

поджидает зима за дверью,

а сейчас уже осень.

Осень...

Евгения

Железный

– Снова пришел? И кому-то важно,
С сердцем ты или без?
Ну, из железа. Да хоть бумажный –
Хватит с тебя чудес.
Знаешь, колыхнется все быстрее
наша земная ось.
Стаи мартышек над нами реют
И ядовитых ос.
Видишь старуху у той осины?
Элли так много лет...
Чуешь, как муторно старой псиной
Пахнет Тотошкин след?
Слышишь, как всюду шальные пушки
По воробьям палят?
Львы разбегаются из психушки
В маковые поля.
В этом безумии запредельном
Сердцу нужна лишь сталь.
Хватит соплей, оглянись, бездельник:
Мир от тебя устал.
Сколько ты будешь стенать и клянчить?
Сломано... ишь, какой!
Всё, я ушел, и во время ланча
Больше не беспокой.

– Слушай, Ужасный, мне б жить хотелось,
Но не хватает сил.
Я не прошу о починке тела –
Душу мою спаси!
Я утерял от неё запчасти,
Счастье недоглядел.
Ты, говорили, Великий мастер,
Маг изумрудных дел...
В области сердца болят изъяны,
Ржавчина ест металл.
Даже Летучие Обезьяны

Знают, как я устал.
Видишь ли, Гудвин, такое дело:
Верю в тебя, братан.
Или... достиг своего предела
Фокусник-шарлатан?

– Нет, не исправлю твою поломку,
Ты про ремонт забудь.
Просто опять собирай котомку
И отправляйся в путь.
Времени, кстати, совсем немного.
Может, найдешь причал,
Если отыщешь свою дорогу
Из желтого кирпича...

Время иллюзии разметало
По закоулкам лет.
Сердце по-прежнему из металла.
Ржавчины больше нет –
Смазали, склеили, приварили...
Парень, живи-балдей!
Ты от страданий почти стерилен
(В отличие от людей).
Что же неймётся тебе, болезный,
Маешься, жив едва?

Душу залатывать бес-по-лез-но,
Если любовь мертва.

Татьяна Прокофьева

Сковородка

*...А где-то в сказке тихо и светло
Там ведьма зачехлила помело,
...Она смеётся: полчаса назад
У сказочницы сырники сгорели.
Юлия Михайлова «Тихо и светло»*

За шкафом было пыльно и темно.
Чихая, расчехлялось помело,
Пытаясь разглядеть причину шума –
То ведьма хохотала под столом,
Дрожали стены, трясся старый дом:
«Сударыня, замолкните, прошу вас...»

...А в новой сказке вечер наступал.
Пушистый кот, урча, шагал в подвал –
Его давно на ужин ждали мыши.
Запутался в мелодии сверчок,
А в чашки кипятков бурлящий тёк
И сахар растворялся еле слышно.

На чай слетались лёгкие слова,
Сюжет затёртый их не волновал.
Медовой каплей время растекалось.
И было так уютно и тепло,
Глазастый паучок тенёта плёл,
В которых билась пойманная жалость.

В большом эмалированном тазу,
Роня в пену мыльную слезу,
Повизгивая нервно от щекотки
Мочалке подставляя жирный бок,
И сетуя на то, как мир жесток,
Сгоревшая шипела сковородка.

Андрей Коровёнков

Точка

Если призрак мечты уползает из рук,
Не оставив и тени надежды.
Если вдруг понимаешь, что в замкнутый круг
Угодил, и судачат невежды,
Иссыхая в апломбе спесивых речей,
Моют кости и душу рвут в клочья –
Это, в сущности, вздор. Шабаш дрязг, мелочей.
И не точка, а так... Многоточье.

Если мучают мысли, что что-то не так,
Где-то сбой, и система в разносе,
То, чем жил и гордился – всё списано в брак,
А наградою – шиш на подносе;
Достиженья, победы – несбывшийся сон.
Вьётся, чувствуя кровь, волчья стая...
Ставить точку на этом отнюдь не резон.
Здесь, скорее всего, запятая.

Отвернулись стелившие мягко вчера,
Спрятав льстивые телодвиженья?
Нескончаемо долгими став, вечера
Порождают в душе раздраженье?
Ну и что? Всё проходит. И это пройдёт.
Кто сказал, что пора ставить точку?
Обобщающий видится здесь оборот:
Двоеточие просится в строчку.

Точка... Точка – итог, завершенье всего,
Исключающее продолженье.
После точки не будет уже ничего.
Абсолютно. Конец предложенья.
Где ей место? Узнать невозможно. Никак.
Да и лучше, чтоб люди не знали...
Кто рожденьем твоим начертал первый знак,
Тот и точку поставит в финале...

Владимир Печников

Перед боем

Мама! Здравствуй, мама! Пишет твой сынок...
Пулей в девять граммов не прижать листок.
Торопливый ветер рвёт его из рук...
Перед боем вечер – самый лучший друг.

Скоро – переправа, первый в жизни бой!
Нам на берег правый. Мама, ты со мной!
Страшно! Километры разделяют нас.
Приближает ветер мой свинцовый час.

Звезды безучастно встали в хоровод...
Вспоминаю часто мирной жизни ход.
Обмани, кукушка, обрати не в ложь:
Прямо мне в макушку, вещая, поёшь...

102

Мам, не дрогну утром! Слышите? Прорвусь!
В этот вечер хмурый я твержу: «Не трусь»!
Глупая кукушка! Где-то бьёт набат...
Враг возьмёт на мушку, – птицы замолчат.

Речная нимфа

Поэтессы мёртвые и живые

Соне

Стихи когда-нибудь закончатся, мы станем темноты темней –
путей потерянных обходчицы, две музы каменных теней.
Бледнеет, гаснет искра Божия, и время к вечности бежит.
Вот твой стакан, моя хорошая – я налила тебе, держи.
Давай за город нераскаянный, за мир безверья и нужды
глотнём вина страны Испании, где не бывала прежде ты.
Давай за счастье без повинностей, за мой Париж, за твой Урал.
Пусть все любви без взаимности, пусть верность только до утра.
Мы – мотыльки, и лампы включены, и свечи смерти зажжены.
Скрипят хароновы уключины, а голос просит тишины.
Летим на вечеринки Любины – задорны, молоды, легки.
Стихами молимся и любим мы, но прозой пишем дневники.
В стихах растём и расцветаем мы, и в них же вянем, как цветы.
Пусть мы и близко не цветаевы, но дышим в рифму я и ты.
Не оставляй на донце, Сонечка, печаль и радость допивай.
Ты обними меня тихонечко, как Стрелку нежная Нева.
Ты поцелуй меня рассветную, пока мужья с другими спят.
Я зареклась, но снова верую: любовь не грех, и всё не зря.
Июньским Питером отравлены, мостами вместе сведены,
такие мёртвые недавно мы опять для счастья рождены.
Не будет ни фанфар, ни почестей – приюты вечности тихи.
Мы догорим, допишем, кончимся.
Но будут новые стихи.

D Grossteniente Okku

черная кошка на белом снегу

Черная кошка на белом снегу
кажется запятой.
Значит, сорвусь.
Где-то не добегу –
я, увы, не святой.
Веткой натянутый лунный звук
враз оборвется в тиши.
Словно стрела, что покинула лук
в поисках чьей-то души.

Наталья Степанова

*шёпотом...

Поздний час... По городу иду
с тишиной сливаясь воедино.
Создавая сказочный уют
фонари поклоны раздают,
отражаясь фронтами в витринах.

Улицу, прильнувшую к домам,
не тревожит резкий звук клаксонов.
Спят дворы, спит златоглавый храм.
Лишь открытый ласковым ветрам
светофор моргает полусонный.

Спину по-над речкой выгнул мост,
берега сцепив надёжной хваткой.
Сколько судеб здесь переплелось,
пылких клятв под небо вознеслось...
Стелет речка волны гладко-гладко.

...Мост «как Рубикон» перехожу.
Дремлет Мир под лунную сонату.

У любви прощения прошу –
(что слова... чуть уловимый шум) –
у любви, ни в чём не виноватой.

Андрей Жихарев

Тоска по вражде

Вражда, а ты сближала нас когда-то
Сильней, чем это может делать дружба.
Я помню четко все места и даты
Недобрых встреч, которым было чуждо
Тепло непринужденной обстановки, –
Им свойствен был оттенок декаданса.
Никто не помышлял об остановке
В предельно жестко выстроенном танце,
В котором мы кружили словно волки
И знали цену каждому движенью.
Ракушкам душ разламывая створки,
Мы видели друг в друге отраженье
Своих желаний дерзких и амбиций –
Опоры прочной противостоянья,
Не думал я, что смогут поселиться
Во мне тоска и боль от расставанья –
Но вышло так. Мой враг в порыве странном
Решил уйти из жизни раньше срока.
А ты, вражда, растаяла туманом –
И мне теперь безмерно одиноко.

Михаил Матренин

Метро

...Но стали вдруг мы странно далеки.
И ни о чем не надо говорить,
хоть и надеты наши кулаки
на общий поручень, как бусинки на нить.

Молчать, качаясь, да в окно глядеть...
А там неслись в тревожной темноте

размазанные скоростью огни,
как желтые ладони на весу,
и заставляли вздрагивать они,
хлеща пощечинами по лицу.

И в сумасшедшем мире за стеклом,
в горизонтальном ливне черных труб,
мятущемся, как пламя на ветру,
летел и отражался наш салон.

Там было все как здесь, лишь побледней.
Там колебалось столько лиц и глаз...
Во мнимой нереальности теней
(их не было – как не было и нас!)
таилось что-то выше нас самих.
Тот мир был странно невесом и тих.
Он лгал – и был неуязвимо прав.
И я внезапно вздрогнул, увидав,
как смотрит исподлобья мой двойник,
(твой зябкий силуэт к нему приник).

Вне времени, далек от суеты,
он, вопрошая, пристально глядел,
и требовал высокой чистоты,
и оправданий слушать не хотел.
И, окунаясь в набегавший сон,
доверчиво – в безмерной пустоте! –

твое качалось тонкое лицо
на зыбких стеклах, словно на воде.

...Был пуст и гулок мраморный вокзал,
с достоинством принявший нас двоих,
и злой сквозняк струился по глазам,
но не гасил проглянувшее в них.

ВоЛена

Молчание как форма существования

Тебе нужна я, но не такая,
ты бы встретил другую меня, и я тоже,
тоже изменила бы тебя,
мы выплёскивались криками друг другу в лицо –
разные слишком, приросли углами,
взрослые,
да много всего,
а теперь я оглохла, перестав слышать тебя –
тишина.
Ты молчишь,
мне необходим твой голос,
я онемела без твоих слов,
мои тоже заперты внутри, остались только глаза,
они могут говорить, но сейчас
из них водой вытекает страх потери,
он солоней, чем твоя вода, та, что из крана,
ты бросаешь горстью себе в лицо ледяную её,
а она стекает по твоей коже
капельками,
впитывает твой гнев, что-то ещё, притаившееся – я не разгадаю,
слова твои впитывает тоже, роняет – даже эти отдаёшь ей, не мне,
а я бы сейчас и их взяла –
давящая тишина.
Эта комната стала ловушкой,
поймала в мысли, чувства, поступки,
стенами, как контуром сопричастности нашего несовершенства,
если мы выйдем отсюда, то, наверное, навсегда
растворимся среди неважных других –
страшно,
и тебе тоже, я вижу твои глаза,
и мы молчим – не озвучиваем себя.
Молчание как форма существования,
способ остаться тут и сейчас
вдвоём,
и позже, может, надолго – вместе,
может быть, навсегда – утопическая степень надежды

женщины обычной,
не придумывай больше меня – слишком нелепо и горько,
а я не буду выдумывать тебя,
хочешь, я выучу язык жестов,
буду смотреть как ты молча рассказываешь себя?

Влад Деми

Вечер поздний

Вечер поздний.
Небо в звёздах.
Тишина и красота.
Пахнет яблоками воздух.
Все проблемы где-то там...

Я курю, на небо глядя,
и далёкий свет ловлю,
будто бы сажу в засаде
у вселенной на краю.

Бесконечность эта тянет.
Стоит только захотеть...
Раз, два, три – и всё.
Меня нет,
растворился в темноте.

А душа умчится дальше.
Там, где звёзды-маяки
принимают души наши,
расстоянья – пустяки.

Дым струится вверх туманом,
за собой меня зовёт.
Нет, туда пока мне рано,
не готов уйти в полёт.

В этот августовский вечер,
длинный, словно целый год,
прыгнул с дерева на плечи
мой любимый рыжий кот.

Наваждение пропало
за мурлыканьем кота,
И куда-то уползала
вслед за нею темнота.

Было рано или поздно,
Не понять который час.
У кота светились звёздно
Огоньки зелёных глаз.

Александр

Возвращение

Зима настанет и в остывший мир, лучи снежинок сламывая с хрустом, придёт, всё объясняя, краткий миг, в котором тьма и бесконечно пусто. Хотя наш, уверен, лучший из миров, но без тебя мне ничего не нужно. Ушедшая, казалось бы, любовь, на самом деле затаилась глубже. Снег бесконечен, словно пустота, в которой миг и вечность не различны. А ты была когда-то, но не та, с кем я на кухне кофе пью привычно. И нет тебя сейчас, когда ты здесь; но день вдруг, тенью расплескавшись, ляжет: что дум критична ядерная взвесь, что воздух – хоть бели, чернее сажи. И это хуже настоящих мук, где больно, кровь, но рана излечима, где не задашь вопроса: «Почему?», а терпишь, просто зная, в чём причина. И к чёрту – мне сейчас не всё равно: в душе метель по встречным курсам хлещет. Попробуй сосчитать своих ворон, когда они тебя же взяли в клещи. Устало время, стоя у окна, где белый снег – пушком меж кирпичами, и кривобоко съедена Луна, что выглядит печальней, чем вначале. Где затемно мяукает в подъезд истёршаяся старая пружина. Иходишь ты, как будто звёздный блеск – растаял снег, который напуржило.

Елена Картунова

Невыдуманная история

Посвящается подруге детства Маргарите

Обычный вечер, скайп и разговор
с подругой детства... Вспомнили о письмах.

– Ты знаешь, Ленка, я ведь до сих пор
храню твоё... Сейчас вернусь... Я – быстро.

И вновь ее лицо передо мной.
В глаза – тепло... Читает, чуть помешкав.
В руках листок тетрадный... (Боже мой!
Со школьных лет... Потертый... Пожелтевший!)

... Я вижу нас девчонками... Марго
играет с чувством «Лунную сонату».
По клавишам волшебным и легко
порхают руки с резвостью пернатых.

Пишу под эту музыку письмо:

«... Я слушаю тебя и... улетаю... Такое чувство, будто бы зимой сады цветут
и радуются маю...

Пожалуйста, играй... Когда-нибудь мы вспомним этот день, как искру
счастья...

Какой, не знаю, выпадет нам путь, но музыка останется... и настезь
откроет окна в память. Мы с тобой вернемся в миг невинного блаженства...

Играй, Марго... Бессмертная любовь глухого музыканта – совершенство.

Божественна! ... И слезы, и восторг... Спасибо, друг, за это наслажденье.

Как ты... я не могу играть, но Бог мне дал «перо» в подарок... Тают стены...

Душа куда-то рвется... Знаешь, Рит, так много слов, а нужного не сыщешь...

Ну как сказать о том, что... и болит, и нежно полыхает цветом вишни? ...

Играй, Марго... По музыке дойду до райских врат... Потом вернусь обратно,
скользя по свету солнца, как по льду... А в сердце – и тревожно, и приятно...

Ритуля, помни – я люблю тебя... за нашу дружбу, искренность, проказы.

За то, что так загадочна судьба... За то, что... не писала так ни разу...»

Подруга замолчала... Я реву...
Она сидит, размазывая слезы.
Сюжет, какой не видел Голливуд –
и смех... и мелодрама (с мокрым носом)...

Но весточку из детства получить
сквозь много лет! – наверно, это чудо...

– Не плачь, Ритуль...
– Закончила... почти...
– И я... Еще два всхлипа, и не буду...

Из разных стран (Израиль, Казахстан)
рыдают две матроны (дети, внуки).
Но мы сейчас в далеком светлом «там»,
где юность... и «Сонаты Лунной» звуки...

Александр Сороковик

Дальновидный начальник

В раздумье Лев над гороскопами корпел:
Кому ж возглавить дать передовой отдел?
(Кабан, что был начальником в отделе
На пенсию ушёл на той неделе.)

Вот Волк – способный очень, вроде, малый –
С работою он справится, пожалуй?
Но нет, нельзя, по звёздам не годится:
Ведь у него Сатурн не в тот тригон стремится!

И Тигра не поставишь, хоть и ловок:
В фамилии сложи все буквы без уловок
(Точнее – цифры, что значенье букв имеют)
Ну и получится, увы, число злодея!

116

Лисичка и умна и хитрости в достатке,
Красноречива, вежливы повадки!
Да вот беда – рисунок на ладошках
Не тот. Не подошла немножко.

Вчера Баран назначен был на руководство.
Тупой. Но в гороскопах – превосходство!

Владимир Ложкин

Time flies

Время порхало птичкою,
словно над лесом горлица,
словно мечта крылатая
в розовых полутонах.
Чувству не стать привычкою –
время делить бессонницу.
Ночь – тишина распятая
и упоенье: «Ах!»

Время взлетало галками
и становилось куполом,
и обретало видимость,
страсть воплощая в жизнь.
...Ехало с катафалками,
в кубрике выло кухонном,
преодолев зависимость
падать и падать вниз.

Время кружится коршуном
над головой сидящей,
ждёт секунданта карканье,
дождика тихий всхлип.
В пробке застряла «скорая».
Гаснет окурок тлеющий.
Время больно инфарктами:
«Вечность...» – не стон, так хрип.

Леся Полищук

Довольно

А я ещё вчера была другая,
Теперь дышу не я в преддверье мая,
И всё вокруг не так, не то, тут всё чужое,
Брожу сомнамбулой по краешку прибоя.

Зачем рассвет, зачем щебечут птицы,
Зачем звучат твои слова-убийцы?
Зачем всё чувствую, зачем так больно,
Молчи, прошу тебя, молчи, довольно...

А я ещё вчера жила мечтая,
Теперь живу, от горечи вздыхая,
Скорей бы день прошёл, заснуть бы мне скорее,
Приходит утро каждый раз всё мудренее.

118

Зачем закат, зачем набухли почки,
Зачем пишу рифмованные строчки?
Не говори мне слов, что бьют так больно,
Молчи, прошу тебя, молчи, довольно.

А я ещё вчера была живая,
Сейчас – свечой последней догораю.
Не жду, не радуюсь, надежду не лелею,
Мне одиночество теперь всего милее.

Зачем весна, зачем стекают капли
Дождя со слёз на горьких мыслей камни.
Зачем ещё дышу – любить так больно,
Молчи, прошу тебя, молчи, довольно.

Леди Дождик

Домик из Подмосковья

Радостный сон прилетит из пропавшего мира:
Жаркое раннее утро в родимом ауле,
Запах лепёшек и вкусный дымок из тандыра,
Кошка, вернувшись с охоты, на кухне уснула,
Завтрак для мужа накрыт в виноградной беседке,
Чайник кипит и нарезана нежная брынза,
Стопка лепёшек пытит под льняною салфеткой,
Вкус помидоров замешан на солнечных брызгах,
Горных ветрах и холодной воде родниковой,
Гроздь винограда прозрачней янтарного света...

Дачный посёлок молчаньем и снегом закован,
Он оживёт, зашумит с наступлением лета.
Вьётся дымок из трубы одинокой сторожки,
Делится сон на двоих у Самвэла с Сусанной.
Жизнь, всё отняв, им оставила старую кошку,
Тёмный казан и жилеты из шкуры барана.

Март в Подмосковье опять замечает снегами,
Надо вставать и проверить в посёлке порядки...
Господи или Аллах, что ты делаешь с нами?
Тычешь людей хаотично на разные грядки,
Рвёшь по-живому семейные связи и корни,
Гонишь людей – им так хочется счастья и мира!
Знаешь, в Москве помнит каждый строитель и дворник
Солнце в ауле и дым из родного тандыра.

Не декабристка... приехала следом за мужем,
Бросив свой дом и оставив соседке корову,
Чтобы стоял на столе приготовленный ужин –
Остров семьи и покоя в сторожке садовой.
Март завывает метелью в чужом Подмосковье
Сладко в обнимку вдвоём подремать в полумраке...
Маленький дом охраняется только любовью
И приблудившейся летом лохматой собакой.

Вячеслав

Здесь зимою улицы хорошеют

Сигарета тлеет, дымок струится.
Ты глядишь в окно, и тебе не спится,
за окном снежинки роятся, кружат.
Ты откроешь пиво, наполнишь кружку,
оторвёшь плавник от сушёной воблы,
и опять в окно наблюдаешь в оба:
вот вдали красуются новостройки,
вот бомжи копаются на помойке,
вот идёт прохожий походкой шаткой,
на него сердитая лает шавка,
в подворотне пьяно орут подростки,
у подъезда света горит полоска,
рукавицы чьи-то лежат на лавке,
кот брезгливо в снег опускает лапки,
на часах пробило двенадцать – полночь,
вот к кому-то скорая едет помощь.
Заскрипят в подъезде протяжно двери –
про себя помолишься, чтоб успели...
А снежинки кружатся, к стёклам липнут,
укрывают кроны на старых липах.
И фонарь сгибает лебяжьё шею,
здесь зимою улицы хорошеют.

Юлия Лавданская

Зачерпни мне горсть июня

Зачерпни мне горсть июня –
Я умоюсь светом радуг,
И в жасминовые зори
На рассвете окунусь.
А на плечи я наброшу,
Словно шарф, прозрачный запах
Распустившихся пионов
И закатов белых грусть.

Пусть звенящими дождями
Травы досыта напьются,
Пусть скользнёт, смеясь, по небу
Солнца отблеск золотой...
Только что ж ладонь пустая?
Не успела оглянуться,
Как июнь протёк сквозь пальцы
Родниковую водой.

Щегленок

Пугает не пропасть

Пугает не пропасть, не мрак и не вор,
не ад людоедского племени.

Пугают разлуки. Звучит приговор
глаголом прошедшего времени.

Боюсь я молчанья садов и аллей,
заката прощального золота,
и будничной фразы: «пока, не более»,
и холода, холода, холода.

А л е Х

Абсент

Будильник скажет им «аминь»,
корсет ослабив вязкой ночи,
где сны – глотками.

И оброчно
вновь разбегутся ян и инь
в рассвет, где горькая полынь –
питьё для пары одиночеств,
что так жемчужно были схожи,
но станут тускло осторожны,
внутри ракушек спрятав утро
и блеск ночного перламутра.

Привычен ток дневной воды –
она лишь сводит дебет-кредит:
никто под вечер не заедет.

123

А будет бар,
абсент и дым,
подход – сугубо деловым
и ночь опять глоток нацедит...
Смешав тоску и обречённость –
добавив стон и изощрённость
в попытку бегства от дедлайна.

И снова –
будто бы случайно...

Елена Бородина

Синица

Не хочется,
не можетя,
не спится –
махровым комом сбилась простыня:
намедни беспокойная синица
влетела, не уведомив меня,
в меня саму же.
Где-то возле сердца
устроилась, и бьется, и еще
весь день в ушах звенит синичье меццо:
свести меня с ума – таков расчет.
Я начинаю думать вдруг о разных
делах своих сердечных дотемна:
синичья нежность, видимо, заразна.
Вернее, заразительна она.
Я чувствую – теплеют руки-ноги,
как водится у южных полюсов,
и линии руки – почти дороги
для дятлов, перепелок или сов,
а может, перелетные маршруты
в какие-то, к примеру, города.
А я – сама синица, кроме шуток,
лечу к тебе неведомо куда,
чтоб, наконец, среди глубокой ночи
почувствовал бы тот, кого люблю –
не верящий синицам, между прочим –
как нежно сердце колет
острый клюв.

Елена Ланина

Дочь ветра

На высокой горной вершине,
где небесный простор безбрежен,
жил в чертогах из плотной сини
ветер северный. Был он нежен
лишь в порывах отцовской ласки,
расправляя русые косы
тонкой девочки-синеглазки.
С нею было совсем не просто!
– Своенравная дочь у ветра, –
поговаривали в округе,
– Внучка пламенного рассвета,
дочь неистовой, страстной вьюги!
А она в ответ хохотала!
Расправляя сильные крылья,
уносилась внезапным шквалом,
ворчунов обсыпая пылью.
Но однажды в чертогах синих
поселилось чёрное горе:
ветер птиц созывал, просил их
поискать на земле и вскоре
птичка певчая появилась,
огляделась без тени страха:
– Дочь твоя на земле влюбилась, –
ошарашила ветра птаха.
– Побоялась сказать про крылья,
ведь избранник – обычный малый.
Так о чуде она просила,
что крылатой быть перестала.
Вмиг бессилье легло на плечи,
чёрной мглой затянуло небо.
– Раз сама отказалась, нечем
мне помочь ей. Я честен не был.
Не сказал, что жестокий выбор
предстоит пережить однажды.
Впрочем, речи не помогли бы.
Что важнее – решает каждый

для себя. Что за выбор странный...
И умолк.

За окном кружили
дочь и юный её избранник.
И у каждого были крылья.

Alex V

Утро, крылья и хребты

Флакон перламутра разбит над востоком,
Высокое утро грозит альпенштоком
Горам-лежебокам и спящим лавинам,
Слепящим потоком по сторбленным спинам

Стекает в долины, глотая туманы,
И глазом орлиным взирает на странных
Людей – не иначе, в упрямстве железном,
На жизнь и удачу играющих с бездной.

Мы в связке – втроём, и – до срока – бескрылы,
Отвесный подъём тянет время и жилы.
Врастаем телами в границы гранита,
А небо – под нами в ущелья налито,

127

А жизнь – так вкусна, всю её вместе с ветром
Мы выпьем до дна, – что в пяти километрах.
С крылом на краю, подключив око камер,
Я молча стою, мир напрягся и замер.

Здесь – зона огня! Сквозь прицел из окопа
Глядит на меня ошалелая пропасть,
Зубами камней пасть ощерив злорадно...
Шли в гору – пять дней, пять минут – спуск обратно.

Шагнул... Над собой, вновь родившись из праха,
В провал голубой, над природой, над страхом.
Полёт – наша суть, цель – решить теорему,
Успеть обогнуть свой смертельный экстремум.

Граница тонка: тем удачней, чем ближе,
Язык ледника промахнувшихся слижет.
Прошли над хребтом, в сантиметрах, – но чисто,
Смерть щелкнула ртом, рты открыли туристы.

Над горной рекой просвистев, как снаряды,
Коснулись рукой чистых струй водопада.
А ближе? Нет, блажь! Врешь, проскочим... Успели!
Над рощей – вираж. Меж стремительных елей.

Дошли до нуля... Рвать кольцо?.. Рано... Рано?
Не пухом земля – но покой парaplана.
Живой? Но молчок! В паре метров как будто...
Поверхность, толчок... Вот теперь – с добрым утром!

Татьяна Голикова

Подмосковный ветер

Наш город осенний, лохматый и грустный
На днях посетил парикмахер искусный:

Пригладил кудрявые рыжие клены,
Украсил пробормом газончик зеленый,

Березам заплел пожелтевшие косы,
Поникший кустарник взъерошил начесом!

Он очень спешил, но уже уходя,
Прошелся по кронам расческой дождя.

Быть может, колдует он где-нибудь рядом;
Над пышной прической, над пестрым нарядом.

Всегда возвращается ветреный мастер,
И с ним, за компанию, – дождь да ненастье...

с а ш а к о г а н

Предчувствие оборванной строки

Мой город – завтра успокоит снег,
Ниспосланный рассеянной рукою.
Ей неуютно пламя непокоя,
Оставленное женщиной во мне.

Он снизойдёт с небес, как благодать,
Своей высокомерной немотою
Мне объяснив, что я её не стою,
И выстелит дорогу. В никуда.

Научит жить, не разжимая губ,
И в рукавах не замечая ветер,
Забыв балкон, где голые, как дети,
Вдыхали двое полуночный дух.

130

А город мой, затеплив огоньки,
Напомнит звёзды той июльской ночи.
И сделает дыхание короче
Предчувствие оборванной строки.

Римма Щемерова

Почтальонка 1941 года

Девчушка-почтальонка, сгорбив плечи,
От дома к дому движется с трудом.
А в сумке плещет горе человечье,
Слезами заливая каждый дом.

И, комкая безжалостный листочек,
Девчонка зябнет, даром, что июль.
Ведь знает – похоронки пара строчек
Разит сердца родных сильнее пуль!

От дома к дому вой, страшной сирены!
Как мину сумку жуткую несёт!
Вошла ко мне...
– Пляшите, тётя Лена!
С улыбкой треугольничком трясёт.

ЖИВОЙ!!!
И сразу ноги, будто вата.
Какие пляски – слёзы в три ручья!
Взглянула почтальонка виновато.
Ревёт со мною, милая моя!

– Пойду, тётя Лен,
Петровым их Серёжа
Письмо прислал. Порадую родных.

...
А ведь она на десять лет моложе
Была
всего лишь за день
до войны.

t a m i

Город и я

Четырнадцатый этаж. Балкон. Я смотрю на город.
Толпятся высотки, глядят на меня сотнями окон-глаз,
в которых – небо и осень. И стаями птиц распорот
мой суетный мир, и прошлое душит, словно угарный газ.

Но так – с высоты. А если спуститься вниз, на лифте,
пойти по улице, касаясь веток продрогших лип,
наслаждаться, как в детстве, шуршанием листьев,
дышать выхлопными газами, ругать себя за недосып,

заныкаться в маленькое кафе, сидеть на высоком стуле,
потягивать через соломинку латте, слушая саксофон,
и знать, что я не одна! Мой город со мной в загуле,
он мой кавалер, и друг по несчастью – тоже он.

132

Не страшно с ним. По вечерам зажигает огни фонарей и реклам,
целует руки, провожает до дома, треплет пряди волос.
Потом мы прощаемся. Так, не надолго. Всего до утра.
Поднимаюсь на лифте, как старый уставший лось.

Или задумчивая лосиха. Но мне уже всё равно.
Захожу в свою клетку-квартиру, включаю в комнате свет.
Этой ночью в городе стало больше огней на одно окно.
И на один день меньше – моих оставшихся лет.

Галина Пиастро

У красной черты

Налетела, затмила крыльями белый свет,
Окружила напастей стая – галдящих птиц.
В тьму-пучину влечёт меня за собою вслед,
Взбунтовать не удастся – можно лишь падать ниц.
Наблюдает за мною жизнь, выбрав роль судьи –
Каждый шаг проглядит: пусяшен он иль весом,
Чтоб не дать мне легко дожить до высот седин,
Всё в учёте: объём грехов, прегрешений сонм.
Захлестнули невзгоды горло петлёй тугой.
Синяки на душе – следы от обид-камней.
Если мир так неласков – стоит ли он того,
Чтобы я умоляла жизнь снизойти ко мне.

Помоги – ты же сильный – можешь меня спасти.
Я взывала и раньше – ты вызволял из бурь.
Мир пугает меня, его агрессивный стиль,
Но не в силах на равных с ним я вести борьбу.
От проклятий ему меня удержи, внуши,
Что опасен порыв, одной против всех – беда.
Здравый разум! К тебе призыв из глубин души:
Я у красной черты – шагнуть за неё не дай.

Наринэ

Трубач в саду

Соло трубы под купаами старых вязов.
Солод судьбы замешан на легком джазе.
Бродит мотив, сердце сбивает синкопой,
опередив сполох грозы далекой.
В узком пальто – чем-то сродни шинели,
медью литой ладный трубач пьянеет,
до эмпирей он выдувает купол –
словно борей, в нить напрягая губы.
Ну а в саду мостики и протоки...
Как штукатур, солнечной поволокой
зелень полян тихо рихтует вечер,
не шевеля грозных дубов оплечья.
Но –
«да-ду-ди
да-ду-да!» –
вспарывает пространство
(шепот «иди – сюда», возглас «уже? останься!»),
венных стеблей финифть с росчерком, что алеет,
и ариадны нить, канувшая в аллеях).
Этот враскачку мир – маятником от солнца
с крохотными людьми сквозь пустоту несется,
но резонанс сердец, ширясь любовным стуком,
страху наперерез в небе рождает купол.
Твой силуэт, трубач, вплавлен лучом в оправу
из променадных пар, долгих террас октавы –
в блюз погруженный пруд ловит поклевку речи,
рвущейся по нутру меди, но человечесьей.

Виктор Казимиров

Ночной город...

Сырая ночь... Один в квартире.
Стою на кухне у окна,
И нет сомнений, в целом мире
Лишь песня ветра-вещуна.

Как жаль, уход мой неизбежен...
В круговороте прошлых дней,
Я был и груб, и сух, и нежен,
Я гору разбросал камней.

Жил, будто завтра стану лишним,
Всё кончится с уходом дня;
И забывал я о Всевышнем,
Но он не забывал меня...

135

Как зверь уснул уставший город.
А свет уютных фонарей
Давным-давно мне мил и дорог –
Люблю ночных поводырей.

Нависла, словно меч дамоклов,
Предзимних улиц тишина.
Она сквозь нынешние стёкла
Едва слышна, но как видна!..

Людмила Кац

Светлой памяти Эльдара Рязанова...

Скажи-ка, тётя, ведь недаром
Шедевр, поставленный Эльдаром,
Зовётся просто «С лёгким паром –
Ирония судьбы»?
Ведь были фильмы и другие,
Да говорят, что неплохие,
Про жизнь тогдашнюю России
И про советский быт.

Но, видно, так судьбе угодно,
Что каждый праздник новогодний,
В былые годы и сегодня,
На быт махнув рукой,
Мы застываем у экрана,
Хотя самим немного странно,
«Не зарастёт на сердце рана» –
Внимаем мы с тоской.

И снова видим на экране
Друзей, вернувшихся из бани,
И зимний город утром ранним –
Всего не перечесть.
Мелькают в пёстром переплёте,
В квартире или в самолёте,
Те, у которых нету тёти,
Те, у которых есть.

И в новогоднем хороводе,
В знакомом каждом эпизоде
К нам словно старый друг приходит,
Приходит не один.
Смешит комедия ошибок,
Печали светлой и улыбок,
А эта заливная рыба
Похожа на стрихнин.

Скажи мне, тётя, ну откуда –
Легко, как зимняя простуда, –
К нам неизменно жажда чуда
Приходит в Новый год?
А с ней надежда, что однажды
Мы все избавимся от жажды,
И счастьем захлебнётся каждый,
И чудо к нам придёт!

Таёжник

Летний снегопад

Летом однажды, часа так в четыре
Снег повалил у Дашутки в квартире!
Мама в то время в компьютер играла
И снегопада не замечала.

Снегом покрылись полы и кастрюли,
Лёг он повсюду! – на скатерть, на стулья,
Лёг на ковёр и на папины тапки,
Стали у Барсика белые лапки.

Лёг он на Дашину чёлку и лоб,
А под ногами был целый сугроб!

Даша вздыхает – ещё б на паркет,
Только в пакете муки больше нет!

Алексей Ушаков

Не договорились

*Сидят папаша. Каждый хитр.
Землю попашет, попишет стихи.
В. Маяковский*

Приходил праведник. Изрекал мнение.
Сунул в нос грамоту. Я напряг зрение:
выше на терцию замок плыл с виллою
и текла лекция на воде вилами...
Излагал стопами, как мне стать стойком
(зря я пил стопками эту дрянь с тоником).
Объяснял грамотно, что бежать некуда,
послужить надобно у судьбы рекрутом.
Сочинять повести мастеров полчища –
не пахать полюшко, на ветру корчиться.
Завернуть слоганом, хуже чем ЗА угол,
спрячь под семь коконов лик страстей пагубных.
Не для всех пастбище, серп забрось – скошено,
не марай капище, не пиши – дешево.

Замолчал. Губы – в бант. Кисти рук – лодочкой.
Перешёл джин в стакан и дрожал горочкой.
Отвечал «знахарю»: ты наплёл лишнего,
я живу пахарем, уж потом виршами.

Андрей Перевалов

Ложка

Лежит в остывшем кофе
под облаковой пенкой
нерастворённый город
на кубиках зимы.
Лежит и сладость копит.
И всё тут очень крепко,
и всем тут очень бодро —
не выпить и не смыть.

Живём в околонье,
не ведая, что где-то
в далёком зачашковье
есть чудный светлый мир.
В натепленных ладонях
там взрослые и дети,
работа есть и школы.
Представь себе на миг:

за стёклами стакана —
прозрачное пространство,
лежит осадком город,
а в нём царит весна.
В лимоновом накале
век трудятся тианцы
в чайниковых задворках,
без отдыха, без сна.

Что наша, что другая
система... Мир так сложен.
В бурлящей массе судеб
ты только грамм, притом
и тут и там пугают
рассказами о ложке,
ужасным в засосудье
нечеловечьим ртом.

Николай Савченко

Хокку

Падает плавно
Золото листьев к ногам.
Холод крадётся.

Александр Жолкевский

Тумамонты

Всё глубже отступает мерзлота,
приходит день, а днём приходит лето,
и мамонты спешат отмыть скелеты,
над родиной готовятся летать.

Архипелаг примерит шкуру ливня,
олени спрячут мокрые бока,
а мамонты взойдут на облака,
отбросив суеверия и бивни.

Они волютятся в стадо серых туч.
Такое не печатают в газетах,
а прячут под замок и гриф «секретно»,
ведь гриф летуч, а мамонт – не летуч.

142

Впитали кости холод вечной грусти,
но души неозябшие легки,
и всем законам жанра вопреки
оттаявшая вечность их отпустит...

Ипполит Лунёв

Холод и тьма

Холод и тьма побеждают всегда.

Лёд на заливе прозрачен и тонок,
У берегов – тёмной бездной вода,
В ней бултыхается пёстрый котёнок.

Как одиноко в глухой тишине!
Что же ты хочешь? Зачем тебе, пёстрый?..
Глянь, как спокойно и сладко на дне
Спят вечным сном твои братья и сёстры!

Мёрзлыми лапками не ухватить
Скользкую плоскость мареновой глыбки.
Рвётся надежды пурпурная нить...
Миг бытия скоротечный и зыбкий.

Холод снаружи, холод внутри...
Слышится «крик», оглушительно громкий.
Тают над чёрной водой пузыри.
Стынут круги под ледовую кромкой...

Прячет луна в полусонных очах
Эти дрожащие, мёрзлые лапки.
Ночь, тишина да следы палача –
Прочь уходящей с корзинкою бабки.

Ирина Суворова

Дикая сказка

Поздно ли, рано, где тонко, там рвётся, к стае прибиться – и вроде сильна. С жёлтых зрачков осыпается солнце, цифрой звериною метит луна. Быстро доходит суть хищных повадок, клетка грудная – стальное литьё. Важно с собою не встретиться взглядом, важно не вспомнить про имя своё.

Долго ли, скоро тропа оборвётся, в бездну ли, в небо упрётся ступень. В стае учили беречься от солнца, солнце в зрачках – световая мишень. В стае учили клыками бить в глотку, в дикое время кто светел, тот слаб. Добрым добра выдают на щепотку, темный – всем царством звериным богат.

Страшно быть светлым? Строчкам не верить! Злобу добро разнесёт в пух и прах. Слижут с ладоней мёд лунные звери, крапинки солнц отразятся в зрачках.

144

Да, не учла, в глупых сказках над стаей
Молнии бьют и кружит вороньё.
Странно, июнь, а в зрачках лёд не тает...

Ты не напомнишь мне имя моё?

Ольга Клен

Белая птица

Белая птица. Белая птица.
То ли мерещится мне, то ли снится.
Птица взлетает туманною ранью
И проявляется где-то за гранью
Летнего дня, сенокосного утра.
Осень в дорогу зовет перламутром
Озера, скрытого зябкою льдышкой...
Ты ведь вернешься? Лишь вместе мы дышим.

Белая птица. Белая птица.
Ты прилетишь из страны-небылицы,
В перьях останется запах оттуда,
Где баобабы, удавы, верблюды,
Где вдоль лагуны танцуют фламинго.
Там пролетая, случится заминка.
Розовым утром на розовой глади
С розовой птицей вам выпадет сладить.

Белая птица. Белая птица.
Ты не забудешь любимые лица,
Те, что остались на севере летом?
Ты обязательно вспомнишь об этом.
Озеро. Лодка. Рассвет золотистый.
Листья осенние, словно мониста.
Ты ведь вернешься к любви белокрылой?
Той, что на озере сердце открыла?

Ирина Ашомко

А дверь всё закрывается...

Пью за тебя.
За то, что ты ушла, обдумав всё решительно и веско.
За голос задрожавший.
В зеркалах моих – лишь одиночество, невеста...
Так ласково тебя я называл...
Прости...
Я помню худенькие плечи, расправленные гордо...
Да, скрывал, что я женат.
Теперь – открылся.
Легче – не стало.
Пью за то, что ты сама сказала всё...
Спасибо.
Также выпью за выход твой – решительный весьма – за дверь...
Где по стене сползла... И выпью стонала, рот зажав себе рукой...
А дверь всё закрывается...
доселе...
И кто сказал, что от вина легко?
Боль не уходит...
Пью уже неделю...
Потеря только ярче с каждым днём.
Со всех сторон мне тычет в сердце память:
мы вместе... Нам уютно под дождём...
К тому же мозг – как в интернете спамер – всё шлёт и шлёт одну лишь только
мысль
о том, как мог я не ценить... не слышать тебя тогда...
Когда всей жизни смысл, наверно, был...
Тихонько едет крыша от осознания истины такой:
ты... вышла... НАВСЕГДА... за дверь,
невеста...
Когда же дверь захлопнется?..
«Клико» шипит по-вдовьи...
Душит неизвестность...

Ассоль Фьюжен

Где-то между и всполохом...

Ты... подаешь мне знаки, откуда-то издалека,
Что твой фрегат на якорю, застрял на годы, века...
Я... вижу на синем небе зарева алый стяг,
Но понимаешь, не знаю, как к тебе сделать шаг...
Ты словно вне зоны доступа, в скрученном измерении,
На странном небесном острове,
В сюжете стихотворения,
Там, – где необитаемо, всуе, за гранью, поВерху,
расколото, нераскаянно, где-то между и всполохом...
Ты... весь окутан тайною, сумраком тёмного марева,
Облаком жёстких сомнений и оговорок по Фрейду...
Я... вижу на море паруса алое, алое зарево,
Но как до него дотянуться мне, ведь твой корабль на рейде...
Где-то вне зоны доступа, в скрученном измерении,
На странном небесном острове,
В сюжете стихотворения,
Там, – где необитаемо, всуе, за гранью, поВерху,
расколото, нераскаянно, где-то между и всполохом...
Мы... никуда не движемся, застыв в противоположностях,
Скомканных, не разгаданных, с разными полюсами.
Ложью с виной задвинутых, на колебанья умноженных,
Тех, чья печать безвременна, со сломанными часами...
Где-то вне зоны доступа, в скрученном измерении,
На странном небесном острове,
В сюжете стихотворения,
Там, где необитаемо, всуе, за гранью, поВерху,
расколото, нераскаянно, где-то между и всполохом...

Ю л и я Ю ф ф а

Шура, живи

Шурочка, где ты, девочка?
Вейся, моя верёвочка.
Ёлочною иглочкой
Даром не пропади.

Что же ты плачешь, рёвушка,
Пусть отрастает чёлочка,
Будут еще заколочки,
Будет весна в груди.

Будут еще крахмальные
Простыни – не больничные.
Будут еще столичные
Парни наперебой.

148

Мы ж с тобой ненормальные:
Брызгами в жизнь брусничными,
Зёрнами в твердь горчичными –
Разве нас взять бедой?

Ну, улыбнись же, милая.
Ты у меня красивая.
Ты у меня счастливая.

– Глупая – не язви.
– Шурочка, что оставить?
– Шура, кому на память?

Я не могу представить.

Шурка, живи, живи!

Марина Сидлер

Прогулка

Вылечу с первыми листьями на прогулку.
В кафе закажу две улыбки и чашку счастья.
Осень раскрыла миру свою шкатулку.
Лови желто-красное пламя и причащайся.

Взобью мокасинами тропы к лесным полянам,
Прослушаю все концерты сорок и соек.
Костром надышусь, как заморский индус кальяном,
В ночи разложу по фэн-шую закат с прибором.

Найду ту струну, что так тянет меня в дорогу.
Дорогу найду, ту, которой конца не видно.
И будет луна горделиво и златорого
Мой путь освещать благородный и неликвидный.

149

Урчит под ногами асфальт и слегка печальна
Реальность: кафе, машины, осколки ночи.
Кусочек мечты, но желанный необычайно.
Я вылечу с первыми листьями завтра. Точно!

Саблезубая Кошка

Сотворение мира

Сзади, за пустотой – миллионы лет,
Перед глазами – вечный разгар зимы.
Бог произносит слово, включает свет,
Тщательно отделяет его от тьмы.

С каждой попыткой лопается внутри
Тонкий стежок, ослабив надёжный шов...
Бог поправляет небо и говорит:
«Кажется, получается хорошо!»

С каждой попыткой больше дрожит рука,
И дискомфорт сильнее тревожит грудь.
Надо заняться нервами, а пока
Время сажать рассаду в открытый грунт.

150

Бросить бы всё, но Бог, вытирая пот,
С верой в себя, исполнен благих идей,
Вкручивает светильники в небосвод.
Щёлкает выключатель. Четвертый день.

Пятому дню открыта морская гладь,
Вспугнутая движением плавников.
Бог на удачу, выпотрошив тетрадь,
Складывает журавликов из листков.

Бог не спешит. Раскладывает пасьянс,
Гладит кота (он утром завёл кота),
И выбирает в стомиллионный раз
Между «ещё разочек» и «никогда».

Солнце, простясь с небесною синевою,
Тонет в воде пылающим кораблём.
Просто поверить в Бога, но не в того,
Кто по его подобию сотворён.

Бог утомлѐн, он хочет допить кефир,
И наконец закончить тяжѐлый день.
Быстро вдыхает душу, вручает мир,
Хлопает по плечу, говорит – владей.

Людмила goldy Шум

Твой голос

Что б ни случилось на этой тверди земной,
Голос твой – продолжение меня самой.
Я захлёбываюсь им или пью его не спеша,
обжигаясь, глотая большим куском,
иногда он в горле стоит, словно ком...
Но я верю – с ним созвучна моя душа!

Если ты взбешён, он похож на палаш –
рубит смачно, наотмашь... наш – не наш...
Не вникая в тонкости и без передышек.
Больно ранит, убить готов наповал.
А рифмуется как! Выше всяких похвал.
Попадёшься под руку – ни дна тебе, ни покрышек.

152

Если ласков ты – он журчит ручьём.
Я в такие минуты не думаю ни о чём.
Только бы продолжалась эта сладкая мука,
чтоб от счастья рвало бы меня на части
в пароксизмах животной страсти...
Лишь бы слышать твой стон, а потом – ни звука...

Не люблю и боюсь, если ты грустишь.
Голос тусклой сосулькою капает с крыш.
Интонаций – ноль... Только «да» и «нет».
Монотонно. Сухо. Довольно вежливо,
с хрустом замёрзшего на снегу валежника.
И, что самое страшное, не требуется ответ!

Тем не менее он твой, родной и живой,
с такой неповторяющейся хрипотцой...
Я приму его всяким: шепчи, балагурь, кричи,
поучай, подначивай, смейся, ругай меня в след,
можешь даже ворчать, как столетний дед.
Об одном лишь тебя заклинаю... молю: «Не молчи!»

JanushMati

Рано умирать

Проклинаю своё одиночество
За слова неразборчивым почерком
И за боль от ударов под дых.
Мне попалась судьба нерадивая,
Лошадь с вечно нечёсаной гривой.
И не в яблоках, а в запятых.
И седлать её – только мучиться,
А куда понесёт – дело случая,
Всё решает шлея под хвостом.
Бьёт щебёнкою время крикливое,
То покоем пугает, то взрывами,
То закатом на поле пустом.

Голос угасает в тишине
И ложится пылью на тетрадь.
За окном закат закованел,
Кажется, собрался умирать.

Небеса вороньём оскандалены,
Воспевают уюта развалины.
Зарастают травой имена.
Бродят души с поникшими крыльями.
Частоколом – кресты намогильные
В назиданье, живым ещё, нам.
И молитвы, как копоть над свечками,
Всё кружат, словно пепел над вечностью,
Заплетаются в ленты дорог.
Мир погряз в наслажденье от выстрелов.
Не понять, не принять и не высказать,
Не развеять по ветру морок.

Голос оживает в тишине
И листает горечи тетрадь,
И рассвет опять запламенел.
Значит, ещё рано умирать.

Владимир Петько

Воспоминания души

Мне кажется порой, что я старик глубокий,
Что выпита до дна мной чаша бытия,
И жизненной реки далёкие истоки
На тихом берегу вдруг вспоминаю я.

Мне чудится порой: я раньше это видел!
И слышал. И читал, как будто бы вчера.
И даже эта мысль, в таком же точно виде
Строкою пролилась из моего пера.

Мне грезится порой: всё так же ускользало,
Впустую прогорал мой жизненный запал.
Но книга бытия мне новый шанс давала,
И свежую строку я к прежним добавлял.

154

Да, книге нет конца, как нет ей и начала.
И жизнь моя, увы, в ней только эпизод.
Страницу исписав, душа моя устала,
Но снова чистый лист – былого оборот.

Путь долгий позади, и впереди – далёкий.
У чаши бытия не существует дна!
Мне кажется порой, что я старик глубокий?
Нет, это лишь душа меняет имена!

А л м о с т

Многоточное

А то ведь привыкли по чистому полу. В носочках.
А сверху ковёр из простроченных молью идей.
Узором по кромке – забитых голов многоточья.
И ноги в тепле, и кулак без привычных соплей.

А то ведь привыкли размашисто чёрным по белому.
Так может, стопить по старинке, по-чёрному печь?
Да сверху плеснуть котелок вдохновения прелого.
Да дверь подпереть, и на облаке мягком залечь.
а то ведь отвыкли.

Марина Юнг

Здравствуй

Здравствуй, пишу тебе ...-надцатое письмо.
В будни так короток зимний ненастный вечер,
не дозвонилась. Растерянный голос мой,
словно в сражении с техникою немой,
что-то тебе бормотал на автоответчик.

На Теремковской, наверное, сонный морок.
Это ведь стало привычно тебе, мой друг,
знать, что давно без меня уже дышит Город
и не раздастся в щели меж оконных створок
по подоконнику мой троекратный стук?

Знаю, у вас в лихорадочной суете
нити сюжета, как встарь, неисповедимы.
Птицы над водами мечутся в темноте...
Думаю часто: куда подевались те,
что долетали не далее середины?..

Хватит о грустном... А город-то, между прочим,
странно похож. Я за годы сравнила их.
Здесьний, поверь, отличается, но не очень,
так же натужно гудит перед днём рабочим,
так же кутит и горланит на выходных.

Здесь, как обычно, невзрачен и сер рассвет,
берег над Эльбой размытым висит рисунком.
Вечером – то же... Ну ладно, семье привет.
Вот и готово, теперь положу в конверт,
и, как другие, отправлю... туда же, в сумку.

Но ничего. Из ханзейского зазеркалья,
ключья седых облаков обратив в слова,
с воем горстями снежинок во мгле сверкая,
небо над всем Голосеевым рассекая,
знак принесет тебе ветер, что я жива.

Артем Янгильдин

Ленин

Нависает солнце над проулком,
Красное, как вызревший томат.
Я люблю вечерние прогулки
Под июльский ветреный закат.

Огороды. Душевые бочки.
Старые качели у ворот.
Частный сектор длинною цепочкой
Шеи улиц нежно обовьет.

Вот скамейка под кустом сирени –
Место для старушечьих бесед...
«Кто это прошёл?» – «Да Ленин, Ленин...» –
Вдруг внезапно донесется вслед.

157

Отвлекаясь от закатных далей,
Брошу строгий взгляд из-за плеча –
Почему же так меня называли?
Чем же я похож на Ильича?

Лысину нащупаю стыдливо –
Что вы, просто стрижка коротка!
Не селился в шалаше в Разливе,
Речь не говорил с броневика!

Мысли суетливо разбегутся.
«Почему?» – опять себя спрошу.
Сроду я не делал революций.
Не картав и кепку не ношу!

Пионер, но не был комсомольцем
И умом масштабным не блещу...
Я спешу за уходящим солнцем.
Я ответ мучительно ищу.

Незабудки у родного дома.
Клён ехидно крутит головой.
Мама неустанно и знакомо
На тропинке борется с травой.

И закат разостлан гобеленом –
Красный, как созревший нектарин...
Просто мать мою зовут Еленой.
Я, конечно, Ленин. Ленин сын.

Наталья Тебелева

Сор

Звучат слова, которых так ждала.
А мне уже их выкройка мала.
И фото, где в обнимку эти двое,
ничем не задевает за живое.
Волокна нервов тянут персонажи
с иных страниц, в другом альбоме даже.
Чтоб кляксой позитив не замарать,
я те слова, как сор, стряхну в тетрадь.

Из них по строчке сложится само
расплывчатое длинное письмо –
не названному всеу адресату –
о двух оттенках ткани полосатой,
что, мол, груба и много с ней мороки,
что нужно соблюдать точнее сроки,
что жаль бездарных и бесследных дней...
И получу ответ: «А Мне видней».

Татьяна Галкина

За суетой...

За суетой, за будничной сумятицей
Так часто забываю о душе!
И чувствую подчас себя растратчицей.
А может – обанкротилась уже?

Но вдруг, увидев старенькую нищенку,
Кладу купюру на её суму...
Скажи, Господь, чего так жадно ищем мы?
От света Твоего идём во тьму...

Да, тяжело живётся на Руси,
Особенно – больным и одиноким;
Ведь правила на Родине жестоки –
«Не плачь, не верь, не бойся, не проси...»

160

Но как же светел состраданья миг!
И, помогая старой и убогой,
Я чувствую – светлеет Божий лик.
И в свете том видней моя дорога...

Marita

Время зеленого зверя

Весна – это время
Зеленого зверя.

...Вцепляясь
Корнями деревьев,
Узловатыми лапами,
В глину
И песчаную пыль,
Зверь ложился на камни
Моховым одеялом,
Укутывал лужи
Болотную ряской,
Разноцветьями бабочек
Пел на высоких стеблях.

161

Весна – это время
Зеленого.

...Сотрясая
Зеленою гривой,
Зверь распахивал пасть
Над асфальтово-серым
Поробриком,
Трогая
Душно-белым,
Жасминовым когтем
Бетон,
Надколовшийся
Паутиною трещин.

Весна – это время.

...В остриженной
Газонокосилками шкуре
Зеленого зверя
Проросли одуванчики,

Белым
Раскрылись ромашки,
И рассыпались пчелы
Жужжащей пыльцой.

Весна.

Ирина Донская

Старушка

Целый день просидела бабуля
У окошка на стареньком стуле,
Погрузившись в привычную скуку,
Ожидая дочурку и внуков.
Одиноко ей в тихой квартире, –
Хоть бы в праздник какой навестили,
Ведь не виделись с самого мая!
Вновь вздыхает старуха седая.
Есть в буфете на маленькой миске
Карамельки «Полет» и ириски.
Грызть самой уже нечем – для деток
Сберегла она горстку конфеток.
Иногда полистает альбомы,
Где все лица до боли знакомы,
И опять, повязавши платочек,
Просидит у окошка до ночи.
Как стемнеет, приляжет старуха,
Взбив привычно перину из пуха,
Вспоминая о детстве далёком,
Где ей не было так одиноко.

Вот деревня, пропахшая сеном,
Лес бескрайний в наряде осеннем,
Камышами поросшая речка
И изба – в три ступеньки крылечко.
Мама в косы вплетает ромашку,
По руке проползает букашка.
Кроха шепчет, зажмурившись крепко, –
Улетай поскорее на небко!
Облака приопущены низко,
За щекою – две сладких ириски.
А на дальней тенистой опушке
О годах прокукует кукушка.
Вечереет, затопится банька,
Закачается вновь ванька-встанька
И мелодию детства сыграет.

Мама нежно перину взбивает.
В печке хворост трещит, по старинке,
Над иконой в углу – паутинка,
Из нее рвётся синяя муха.
Попыталась проснуться старуха –

В мир вернуться не может реальный.
Не пускает венок ритуальный...

Мила Октябрь

Хляби небесные

Ночь измеряется дробью шагов,
гулом окрестным, тенями котов,
звично зовущих в осоте друг друга.
Светит звезда над распутием дорог,
а человек у окна одинок –
ищет себя, но петляет по кругу.

Чёрная ветвь на оконном стекле
и самолёта межоблачный след
будто рисуют граффити нездешний.
Там, где я значусь, давно нет меня.
Небо с поводьев спускает лунят
из мимолётных причудливых трещин.

165

Ветер летит на астральный мой сад –
хляби небесные гонит назад.
Звёзды плывут без конца и без края.
Только внизу, глубоко подо мной,
дождик строчит по асфальту земной –
почерк старателен и узнаваем...

Ирина Кутепова

Я рисую космос

Не могу сидеть без дела, нет фантазиям предела,
Нарисую краской звёзды и себя отправлю в космос.

Улечу в большой ракете рано утром на рассвете.
Чтобы к звёздам долететь, на Сатурне посидеть,
Помирить Венеру с Марсом, пусть не ссорятся напрасно,
На Уране погулять, на Нептуне помечтать,
Поиграть с Плутоном в прятки (у него свои порядки),
Дать Юпитеру советы, половить за хвост кометы,
На Меркурий прилететь, и на Землю поглядеть.

Нет её милей и краше, ведь она планета наша!
Для людей родимый дом, мы с тобой на ней живём!

166

Разукрашу цветом разным шар земной, чтоб был прекрасным!
Нарисую краской страны, континенты, океаны,
Город наш, себя и папу, и кота, что лижет лапу.
Птиц, цветы и муравья
На Земле рисую я.

Нет фантазии предела,
Но она вдруг улетела...

Я вокруг гляжу с опаской: пол и стены в свежей краске,
Чистый только потолок (до него достать не смог).
Стол теперь моя ракета, кот раскрашен как комета.
Я держу его с трудом, влезть старается кругом.
Вижу я в иллюминатор, как пришёл с работы папа.
Что-то брови он нахмурил: жду космические бури...

Я, конечно же, рискую
Если
Космос
так
рисую!

stitch626

В рубашке

Вроде бы все в порядке, ровно, налажено,
Точно по мерке, новое и наглажено,
Стирки, починки не требует. Смысл возиться?
Пятнышко?
Сразу на выброс. Не пригодится.
Ой, не смейся. Что хранить? Чувств обрывки?
Три по цене одной – всюду скидки,
Акции, визги реклам, предложения:
Можно в кредит и с рассрочкой. Для продолжения
Тех отношений и пары слов в день довольно.
Не велики проценты. Больше не больно,
Больше не сладок горький абсент вместо ужина.
Что ты вцепился в рубашку? С чего бы вдруг нужная?
Мятая, жмёт в плечах, дай-ка выброшу,
Пуговиц цокот прочь «с мясом» вырежу.
Где мои ножницы? Спрятаны все вместе с бритвами?
В сказках двоих дают за одну дуру битую,
В жизни, мой дорогой, по-другому.
Ты все убрал, прописал покой, но балкону
В принципе все равно с кем проститься:
С глупым слепым котом или птицей,
Падающей прямо вверх в той рубашке.
Любит? Не любит? – точный ответ у ромашки.
Но за окном не май, смерть цветочкам,
Ягодки съели все. Вкусно? Точно
Знаешь все наперёд: дом – работа.
Может, пойдём в кино? Неохота
В кучу себя собирать, одеваться,
Двери на ключ запирасть, напрягаться –
Темень в подъезде. Вечно и неизменно.
Темень ему верна. Что, смешно? Это верно
Счастья такой залог: жить в потёмках,
Только наощупь, едва дыша, и по кромке
Снова и снова бродить неуверенно.
Вечное в жизни одно – то что временно,
Так заскочить на кофе, на жизнь остаться.

Из-за твоей рубашки смешно подражаться –
Пуговица! Вот оторва! Пришить не надо?
Возле воротничка «Джунгли ред» – след помады.
Нынче трещит по швам на тебе, мне в пору,
В ней и пойду сейчас в кухню по коридору,
Буду два шага идти вечность целую.
Дурой не будь,ними!
Так и делаю.

h a z e f

Безмолвье женщины...

Безмолвье женщины...
Что может быть страшней?
Когда обидой жгучею ведома,
Свою печаль несёт она по дому –
И всё в нём затихает перед ней.
И кажутся мрачней его углы,
Их желтизной не обливают люстры,
И в складках штор окна – холодных, тусклых –
Хоронят скрипы стулья и столы.

По дому тихо женщина идёт.
Вот на диван продавленный садится,
На жёсткий драп ладонь она кладёт...
Уже светлей окно, а ей не спится –
Безмолвна женщина в тисках своих обид,
Они саднят и жгут её колюче,
И вместе с ней всё также дом беззвучен –
В нём, беспокойном, каждый гвоздь не спит.

Кто ты, обидчик? Нагрубивший муж,
Любовник или липовый сожитель?
Ключ поверни в замке – войди, разрушь
Безмолвья женщины холодную обитель;
Ей поцелуем губы отвори,
Сломай молчанье стен тугих и толстых –
И говори, и говори, и говори
О чём угодно, только не безмолвствуй.

Андрей Блинов

Ковчег

*По вечерам и по ночам – домов в Петербурге больше нет:
есть шестиэтажные каменные корабли.*

Евгений Замятин, «Мамай»

Этот дом – не корабль. Это дом-ковчег.
Многоклеточная тоска
Для зверей, приютившихся на ночлег
И не думающих искать
Нечто большее. Легок, спокоен быт,
Если не за кого трястись,
Если нет ни радостей, ни обид...

А у нас всё не так, прости.
Распахнула окно: миллионы люстр
Рассыпаются в пустоте.
Говоришь: «Я так... страшно тебя люблю,
Что хочу от тебя детей...»

В облаках – смотри – назревает дождь,
Небеса отдают тепло.
Ты, счастливая, кроткая, носишь дочь.
Я спускаю на воду плот.
Не погубит его самый сильный шторм,
И, доколе хватает глаз, –
Только море – бескрайний немой простор...

Ненадолго.
Земля кругла.
Утекает время, давясь людьми.
Через двадцать чудесных лет
Дочка скажет: «Мне дорог ваш вольный мир,
Но с любимым – сойдет и клеть.
У него там родители... И вообще
Он уже мне почти жених...

Видишь, висится в темном дворе – ковчег?
Я пока поживу у них?..»

Игорь Колесников

Ждать

Остатки поблекшего неба в смотрящих на море глазах,
Горбушка засохшего хлеба в давно потемневших руках.
Они, эти руки, умели одеть, накормить, приласкать.
В лачуге – старушечьей келье теперь лишь наносы песка.
Хозяйка сидит на причале и смотрит в бескрайнюю синь.
Гримаса безмерной печали застыла в ложбинах морщин.
И гомон толпы умолкает у той, кто на страже всегда,
На холод и шторм не взирая, полвека приходит сюда.
Похоже, что символом порта смотрящая стала давно.
Змеится людская аорта, но всем, как всегда, всё равно.
Лишь только иной сердобольный подаст завалявшийся грош
И взглядом окинет невольно, уняв пробежавшую дрожь.
Всё меньше и меньше надежды в терзаемых ветром костях.
Всё чаще смеются невежды и фото старухи постят.
Дорогу осилить непросто, мешают подагра, артрит,
Но с прежним упрямым упорством приходит она и сидит.
Остаток надежды и веры, остаток в глазах синевы –
И ждать... без сомнений, без меры, любить без остатка. Увы...
Не вспыхнет костром алый парус, не стихнет застывшая боль,
И помнит лишь старенький пастор, что имя несчастной – Ассоль.

andron2006

Джинсовое небо

Завзятый модник, глядя в небеса,
решит, что в горный мир пробралась мода.
Что это же потёртая джинса
повисла на прищепках небосвода.

Что небу впору ладное сукно,
свободное и нежно-голубое.
Что ангелами скроено оно
на зависть пасторальному ковбою.

Залётный ветер эту ткань завёз
в обитель благоденствий и безмолвий,
раздобывшийся на заклёпки звёзд,
отсыпавший с лихвою связку молний.

173

Вовсю резвится рваная джинса
по небу, распростёртому в овчинке.
Из облака несутся голоса
и чей-то смех на пенной вечеринке.

Меня дурманит горнее вино...
Но, как ты пропуск в юный рай не требуй,
условие просрочено давно:
нельзя войти в одно и то же небо.

Людмила Клёнова

Тихое...

*...Послушайте, маленький,
можно мне Вас тихонько любить?
А. Вертинский*

Я люблю тебя...
Тихо и бережно...
Я люблю тебя – молча и ласково,
Наслаждаясь волшебною сказкою,
Не страшась, если в это поверишь ты...

Ничего от тебя я не требую...
Просто, зная сознания краешком,
Что меня иногда вспоминаешь ты,
Улыбаюсь рассветному небу я –

174

И тебе доверяюсь бестрепетно,
Не заботаюсь нимало о будущем,
Не печалюсь, что рядом не будешь ты –
Без укора, что прежде не встретились...

Не придумана истина новая...
Мне важней, если что-то да значу я...
Осторожно – теплом нерастраченным –
Обниму – и обрадуюсь слову я...

О тебе, моя зорька вечерняя,
О тебе, моя радость нежданная,
Всё молиться в ночи' не устану я...
Я люблю тебя.
Очень.
Наверное...

М а р и

качельное

В ночь проскользнул унылый скрип
Качели старой.
Среди цветущих нежных лип
Пополз устало,
Смущая шорохи стальным
Натужным лязгом.
Он в этом мире был чужим,
А я – в парнасском.
Качнулась безучастно высь,
Звезда упала.
Желаний тьма, мелькнула мысль,
Жаль жизни мало...

Алексей Борычев

Болото

Тропы к тебе узки, ржавой водицей полнятся.
Кружатся мотыльки сполохами тревог.
За колдовскою тьмой дня затихает звонница.
Делает разум мой в сказочное рывок.

Вот я и снова здесь. Ты ли, обитель прошлого,
Взору открыла лес, чахлый, седой, больной.
Чтоб излечить его, солнечную горошину
Небо кладёт в раствор сумрака с тишиной,

И поливает топь, кочки, кривые ёлочки,
Где проживёт лет сто ворон – хозяин тьмы,
Где раздаётся вой поздно – в безлунной полночи
Старенький водяной чует приход зимы.

176

Летом – дыханье мха, всхлипы трясин. Заметнее
Жизни людской труха именно летом, здесь,
Где по утрам туман солнце шлифует медное;
Ядом болотным пьян, медленно гибнет лес.

Осенью красный дым всё над тобою стелется.
Что это? Мы горим в пламени прошлых лет?
Или мечты горят? или сгорает мельница
Нашей судьбы? Не зря быстро меняет цвет –

Всё, что вокруг! Но вот – вижу: редее марево.
Осенью каждый год так опадает лист
Тощих берёз, осин. Цвета всё больше карего
На полотне картин зимних простых кулис!

Снежная волчья даль крестиком сосен вышита:
Кажется иногда кладбищем всех надежд.
И лишь былого тень здесь на просторах выжила.
Рваной былой мечте время зашило брешь.

Ольга Орлова

Август. Медленно, бархатно...

Медленно, бархатно август проникнет в сердце.
Только начало! – ему возражаю робко.
Зелено, ярко, певуче моё соседство
И легкомысленно платье моё из хлопка.
Было в июле так слякотно, серо, зябко,
Только вот-вот разыграться решило лето.
Примет ли август дарами природы взятку
Или оставит, как водится, без ответа?

Вроде бы солнце ещё не теряет силу,
И облака так воздушны, и воздух сладок,
Но в небосводе пронзительно, ярко синем
Копится будущей грусти моей осадок.
Но отступает, теряется в прошлом свежесть
Раннего утра, когда твои ночи – белы.
Память о ней, словно кожицу, август срежет,
Чтобы она ненароком не огрубела.

Мне бы насытиться и наглядеться вдоволь,
Яркими красками сердце своё измучить.
Скоро, как скоро оденутся, будто вдовы,
Скверы, дома в обесцвеченных будней тучи.
Словно песок утекает сквозь пальцы время,
Август пришёл, увядания сил предтеча.
Все мы подвластны законам природы древним,
И побороть их увы, нам по сути нечем.

Самир Аскеров

Сентябрьский сонет (акро)

Пейзаж лесной у дивных синих грёз
Ещё в плену, но проседью отмечен.
Ревниво кудри ветреных берёз
Вчера ласкал, прощаясь, летний вечер.

Открыт печальный счёт осенних дней,
Есть лишь надежда робкая, что где-то
Среди туманов серых и дождей
Елеем нас излечит бабье лето.

Не жаждет тонкий мастер витража,
Талантом этим награждённый Богом,
Явить, волшебной кистью ворожа,
Безумство красок осени до срока.

Роскошный мир припрятан до поры:
Янтарный блеск и щедрые дары.

В л А б р

Бабье лето

Убирались в огородах –
торопились до дождей.
Но добавила природа
две недели ясных дней.

Паутинкой осень вяжет
кружева за рядом ряд.
«Богородицына пряжа» –
так старушки говорят.

На краю села рябина
в раскудрявом парике,
в ожерелье из рубинов
нарядилась. Вдалеке,
за околицею нашей
порыжевшие луга.
На краю у чёрных пашен
золотистые стога.

У болота круг осинок –
яркий, пёстрый хоровод.
Удивительно красиво
бабье лето в этот год.

Татьяна Шкодина

Молитва

Так пусто, холодно за спиной...
Как будто снегом мой сад укрыло.
Не требуй много, Создатель мой –
Мне просто вечности не хватило.

Я не был богом, но мог спасти
В своих ладонях живые звёзды...
Как сгустки крови в моей горсти.
Да, я пытался. Но поздно, поздно...

Всё время делал не то, не так,
И вот полжизни прошло впустую...
Пока меня не окутал мрак,
Позволь я что-нибудь нарисую?

180

Траву и солнце. Морскую гладь.
Почти открытка «привет из рая».
Прости. Ты должен меня понять –
Я просто гибну, не создавая...

Я доверяю тебе – себя.
Телёнком глупым в ладони тычась...
На «до» и «после» всю жизнь дробя.
Любовь – прибавить.
Гордыню – вычесть.

Dvalin

Предпоследние числа

Но если стихами не досуха выжат,
Да снова мокрит за бинтами душа,
И раны открыты, и кажутся ближе
Холодные звёзды в изгибе ковша –
Молчу...одиночество будет недолгим.
Молчу, предпоследнее – просто число.
Молчу, как молчат молчаливые боги.
Молчу перевязкам и рифмам назло.
Молчу не прощённым семенем битвы.
Молчу, как жестокий небесный отец –
Молчание злее келейной молитвы.
Молчание – догма «кричащих сердец».
Меняйте бинты, я молчу неумело –
Молчание века – высокий предел,
Молчать научусь, лишь бы сердце болело,
Чтоб крикнуть однажды всё то, что хотел.
В молчании нету злорадного смысла.
Молчание – вера, приватность игры.
И молча прожив предпоследние числа,
Последним вверяю молчать до поры.
Срывайте бинты, я молчу «безразлично»,
С приветствием боли встречаясь опять.
Молчите?.. И я промолчу как обычно,
Молчащее небо стараясь понять...

antares

Коты

Под вечер было холодно и мглисто,
с коры слетала охра на цветы;
над линией кустарника нависнув,
лизали свежесть языками листьев
огромные зелёные коты
и ждали непроглядной темноты.
Исчезли облака, как сливки в миске —
коты допили розовый закат.
Коты вдыхали пряный аромат,
лимонные глаза блестели близко,
в пушистых лапах пропадал искристый
безудержный июльский звездопад.
А мы искали золотые брызги.
Давным-давно, лет сто тому назад.

Серёжа

Упрямый ослик

По узенькой дорожке.
Ползли сороконожки.
За ними шли утята,
Весёлые цыплята.
Вдруг ослик на пути.
– Дай, ослик, нам пройти!
Расставил ослик ножки
На ширину дорожки:
– Я даже носорогу
Не уступлю дорогу!

Solstralen

Белая ворона

А солнце светило, катилось вниз лучами с покатых крыш.
Одни говорили – вперёд стремись, не бойся, чего дрожишь?
Построишь свой дом и родишь детей – ну что может лучше быть?
А мне так хотелось в рассвет лететь, оставив комфорт и быт,
припасть к родниковой святой воде, где струи, как лёд, чисты,
на солнце до боли в глазах глядеть и падать лицом в цветы.

Другие спешили мне дать совет: неважно, что стар жених,
богаче, чем он, и в столице нет, не нужно тебе других.
А я улетала в ночную даль за яркой большой звездой,
и ласковый ветер, смеясь, играл ноктюрн для меня одной.
Молочные реки луна лила – пытаюсь кошмары смыть,
два чёрных вороньих моих крыла окрасила в цвет зимы.
Пусть белой вороной зовут меня, но я не вернусь назад,
я – ветра дыхание, свет огня, летящая вдаль звезда!

184

Тихонько луну на ночной волне качает речная гладь...
Сегодня приснилась ведунья мне и стала во сне гадать.
Неважно, что скажет расклад Таро о бренном моём пути.

...Ты просто за белым иди пером, и сможешь меня найти.

О г л а в л е н и е

<i>Алексей Лис. Драже</i>	1
<i>Ирина Архипова. Небо</i>	2
<i>Aleker. Один день</i>	3
<i>Вит Музуров. «Не говори со мной о поездах...»</i>	4
<i>Вплениллюзий. Напомнил дождь...</i>	5
<i>Елена Лерак Маркелова. Бумеранг</i>	7
<i>Лилия Слатвицкая. Звуки</i>	9
<i>Татьяна Смирнова. Волчица</i>	10
<i>Ира Сон. Уголёк</i>	11
<i>Имум Коэли. Царские странности</i>	12
<i>Кляксой. Какое это счастье – просто жить</i>	13
<i>Галка Сороко-Вороно. Про козла</i>	14
<i>Ок74. Сто шагов</i>	15
<i>Виктория Соловьёва. Мне лошадь встретила...</i>	16
<i>Туранга. Ветру</i>	17
<i>Ветровоск. Времени нет</i>	18
<i>Николай Рогалев. Уголки</i>	19
<i>hobbit. Давно вчера</i>	20
<i>Сергей Кодес. Последний разговор</i>	21
<i>Инесса Полянская. За гранью</i>	23
<i>Николай Яковлев. Монолог дяди</i>	24
<i>Вячеслав Дворников. всё по-прежнему</i>	25
<i>Ольга Альтовская. Сорок секунд</i>	26
<i>Марго. Август</i>	27
<i>Гелия. Аленький, аленький</i>	28
<i>Милана Секоненко. Свободен от тени</i>	29
<i>Клювик. Рубиновое утро</i>	30
<i>Николь Аверина. Однажды ты проснёшься...</i>	31
<i>Марина Старчевская. То ли было, то ли нет</i>	32
<i>Михаил Кульков. Маяк Анива</i>	33
<i>Галья Рубина-Бадьян. Иверия</i>	34

<i>taarv</i> . Превращение	35
<i>Богинский Михаил</i> . Город примет	36
<i>Михаил Любавин</i> . Дворничье	37
<i>Фрагорийский</i> . Голод по тебе	38
<i>Вера Рехтер</i> . Стихия в городе	39
<i>Praskovija</i> . финал	40
<i>anika</i> . Мистерия Белой ночи	41
<i>GP</i> . Не о тебе	42
<i>Murrgarita</i> . Я, дождь	43
<i>Ольга Нежданова</i> . Судьба	44
<i>alexbol</i> . Милая Хетти	45
<i>Андрей Яковлев</i> . Свет мой зеркальце...	46
<i>Селена</i> . такое вот счастье	47
<i>Елена Уварова</i> . Снежная королева	49
<i>Василий Тюренков</i> . Когда в окно разглядываешь город	50
<i>Бутманова Оксана</i> . Да пребудет всегда...	51
<i>Георгий Волжанин</i> . Холодный перламутр в её глазах	52
<i>Лана Юрина</i> . Его собака	53
<i>Alkhat</i> . Клинок	54
<i>Гера Шторм</i> . Туки-туки	55
<i>Светлана Пешкова</i> . Берега обетованные	56
<i>shah-ahmat</i> . Млечной сказкой небо пролилось	57
<i>Елена Шилова</i> . Невесомость	58
<i>Rima</i> . Приходит пёс	59
<i>Nadezhda-lis</i> . Милая Хадсон	60
<i>Галина Тарасик</i> . Парижский дождь	61
<i>Оксана Кар</i> . Выжить	62
<i>Алексей Кузнецов</i> . Движениями осторожными	63
<i>Гелия Алексеева</i> . Летчик-испытатель	64
<i>Анна Лисицина</i> . Упаковочное	65
<i>Жиль де Брюн</i> . хранитель	66
<i>Та Ши Ко</i> . ...И становится хорошо	67
<i>Nebraska</i> . Уехать. Избежать...	68
<i>Тень ветра</i> . Солдат и чёрт	69

<i>Артур Кулаков. Вечер, ждущий рассвета</i>	72
<i>синешкафье. Л..</i>	74
<i>Акс. Январь</i>	75
<i>Tortila. Песок</i>	76
<i>Юрий Октябрёв. Невозвратно</i>	77
<i>Братислава. Бинтуя душу</i>	79
<i>Александр Соломатин. Афалина</i>	80
<i>Лола Ува. Категория вечной драмы</i>	81
<i>Hellin. Время собирать ракушки</i>	82
<i>LiluAmber. Сон у воды</i>	83
<i>Ната Матвеева. Лето Господне</i>	84
<i>Ninzu. Малыш и Карлсон</i>	85
<i>inaua. письмо из харчевни</i>	86
<i>Marara. Эй, старик, уходи</i>	87
<i>Галахад. Я не могу вернуться во вчера...</i>	88
<i>Женя (Гнедой). на краешке земли</i>	89
<i>Марина Шахаф. Амфибия</i>	90
<i>Вика Корепанова. Светлое</i>	91
<i>Daгуа. Растерянное</i>	93
<i>Роксана Ланд. Два шага в темноту...</i>	94
<i>Наталья Сафронова. хозяйка</i>	95
<i>Лионель Садорро. Она</i>	96
<i>Elena Che. О боли</i>	97
<i>Евгения. Железный</i>	98
<i>Татьяна Прокофьева. Сковородка</i>	100
<i>Андрей Коровёнков. Точка</i>	101
<i>Владимир Печников. Перед боем</i>	102
<i>Речная нимфа. Поэтессы мёртвые и живые</i>	103
<i>D Grossteniente Okki. черная кошка на белом снегу</i>	104
<i>Наталья Степанова. *шёпотом...</i>	105
<i>Андрей Жихарев. Тоска по вражде</i>	106
<i>Михаил Матренин. Метро</i>	107
<i>ВоЛена. Молчание как форма существования</i>	109
<i>Влад Деми. Вечер поздний</i>	111

Оглавление

<i>Александр. Возвращение</i>	113
<i>Елена Картунова. Невыдуманная история</i>	114
<i>Александр Сороковик. Дальновидный начальник</i>	116
<i>Владимир Ложкин. Time flies</i>	117
<i>Леся Полищук. Довольно</i>	118
<i>Леди Дождик. Домик из Подмосковья</i>	119
<i>Вячеслав. Здесь зимою улицы хорошеют</i>	120
<i>Юлия Лавданская. Зачерпни мне горсть июня</i>	121
<i>Щегленок. Пугает не пропасть</i>	122
<i>АлеХ. Абсент</i>	123
<i>Елена Бородина. Синица</i>	124
<i>Елена Ланина. Дочь ветра</i>	125
<i>AlexV. Утро, крылья и хребты</i>	127
<i>Татьяна Голикова. Подмосковный ветер</i>	129
<i>саша коган. Предчувствие оборванной строки</i>	130
<i>Римма Щемерова. Почтальонка 1941 года</i>	131
<i>tati. Город и я</i>	132
<i>Галина Пиастро. У красной черты</i>	133
<i>Наринэ. Трубач в саду</i>	134
<i>Виктор Казимиров. Ночной город...</i>	135
<i>Людмила Кац. Светлой памяти Эльдара Рязанова...</i>	136
<i>Таёжник. Летний снегопад</i>	138
<i>Алексей Ушаков. Не договорились</i>	139
<i>Андрей Перевалов. Ложка</i>	140
<i>Николай Савченко. Хокку</i>	141
<i>Александр Жолкевский. Тумамонты</i>	142
<i>Ипполит Лунёв. Холод и тьма</i>	143
<i>Ирина Суворова. Дикая сказка</i>	144
<i>Ольга Клен. Белая птица</i>	145
<i>Ирина Ашомко. А дверь всё закрывается...</i>	146
<i>Ассоль Фьюжен. Где-то между и всполохом...</i>	147
<i>Юлия Юффа. Шура, живи</i>	148
<i>Марина Сидлер. Прогулка</i>	149
<i>Саблезубая Кошка. Сотворение мира</i>	150

<i>Людмила goldy Шум. Твой голос</i>	152
<i>JanushMati. Рано умирать</i>	153
<i>Владимир Петько. Воспоминания души</i>	154
<i>Алмост. Многоточное</i>	155
<i>Марина Юнг. Здравствуй</i>	156
<i>Артем Янгильдин. Ленин</i>	157
<i>Наталия Тебелева. Сор</i>	159
<i>Татьяна Галкина. За суетой...</i>	160
<i>Marita. Время зеленого зверя</i>	161
<i>Ирина Донская. Старушка</i>	163
<i>Мила Октябрь. Хляби небесные</i>	165
<i>Ирина Кутепова. Я рисую космос</i>	166
<i>stitch626. В рубашке</i>	167
<i>hazef. Безмолвье женщины...</i>	169
<i>Андрей Блинов. Ковчег</i>	170
<i>Игорь Колесников. Ждать</i>	172
<i>andron2006. Джинсовое небо</i>	173
<i>Людмила Клёнова. Тихое...</i>	174
<i>Мари. качельное</i>	175
<i>Алексей Борычев. Болото</i>	176
<i>Ольга Орлова. Август. Медленно, бархатно...</i>	177
<i>Самир Аскеров. Сентябрьский сонет</i>	178
<i>ВлАбр. Бабье лето</i>	179
<i>Татьяна Шкодина. Молитва</i>	180
<i>Dvalin. Предпоследние числа</i>	181
<i>antares. Коты</i>	182
<i>Серёжа. Упрямый ослик</i>	183
<i>Solstralen. Белая ворона</i>	184
Оглавление	185

Здравствуй, Сатурн!

книга первая
избранная поэзия

Составление, вёрстка, дизайн
Ирина Архипова, Виталий Музуров

